

Н.В. Кривцов

РУССКАЯ ИНДИЯ

Русские за границей

Никита Кривцов

Русская Финляндия

2009

ББК 63.3(0)

Кривцов Н. В.

Русская Финляндия / Н. В. Кривцов — 2009 — (Русские за границей)

ISBN 978-5-4444-8280-3

Где и когда начинаются связи между Россией и Финляндией? — Они были всегда. В этой стране повсюду чувствуется «русское присутствие». Почему? Все дело в том, что связанные с нашим общим прошлым памятники в Финляндии сохранили сам дух, атмосферу, кажется, даже запах минувшего — того, что, увы, исчезло у нас и что нельзя воссоздать самой богатой и изощренной реставрацией. Многие из того русского, что создавалось в России и что было уничтожено у нас, осталось в Стране тысячи озер — живы памятники, даже некоторые русские традиции... И самое главное — имена. Среди них — художник Илья Репин и писатель Леонид Андреев, фрейлина последней императрицы Анна Танеева-Вырубова и Аврора Карамзина, художник Николай Рерих и поэты Серебряного века — Владимир Соловьев, Валерий Брюсов, Иннокентий Анненский и Осип Мандельштам и многие-многие другие.

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-4444-8280-3

© Кривцов Н. В., 2009

Содержание

Предисловие	6
«Маленький Петербург»?	31
Век Авроры	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Никита Кривцов

Русская Финляндия

© Кривцов Н.В., 2009

© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

* * *

Предисловие

Путешествие на поезде из России в Финляндию отличается от поездок в другие европейские страны. Поезд не стоит подолгу на границе: колея у нас с финнами одинаковая, не такая, как во всей Европе.

Но это только начало путешествия. Здесь часто, если не постоянно, натыкаешься на приметы чего-то родного, русского. То увидишь луковку православного храма, то на вывеске прочтешь русское имя, то в старом кафе заметишь старый тульский самовар...

Но что ж тому удивляться – Финляндия более ста лет была частью Российской империи...

Эта книга о том, что у нас принято называть «Русской Финляндией».

Но что это такое «Русская Финляндия»? Когда мы говорим «Русский Париж» или «Русская Ницца», – все достаточно просто и понятно: речь пойдет о представителях нашей аристократии, мира литературы и искусства, бывавших, живших там, и, конечно, об эмиграции после 1917 года.

С Финляндией все сложнее. И не только потому, что она в отличие от той же Франции входила в течение века в состав России, она просто ближе, и общение между народами, взаимное проникновение культур и связи возникли очень давно.

А рядом мы были всегда, и порой трудно, невозможно сказать, где проходит между нами граница – не географическая и не политическая на карте, а та, которая делит историю, культуру, духовный мир и судьбы людей – настолько здесь все срослось и переплелось.

Для русских Финляндия всегда казалась немного «своей». И не только в те годы, когда она принадлежала России. Ведь даже много позже, после Второй мировой войны, благодаря политике «добрососедства» (термин, выдуманный в Советском Союзе в противовес западной «финляндизации») была самой близкой из всех капиталистических стран.

Одна моя знакомая из Питера на вопрос «Сколько раз была в Финляндии?», пожав плечами, ответила: «Раз пятьсот, может, больше». Конечно, она преувеличивала, хотя многие жители города на Неве и окрестностей наносят регулярные визиты в супермаркеты ближайших городов Суоми или отправляются на уикенд на отдых в коттеджи по берегам финских озер.

А ведь всего сто лет назад Финляндия действительно начиналась прямо на окраине Петербурга. Граница проходила тогда по реке Сестре, теперь она – за Выборгом, а в середине XVIII века – по озерному краю Саймы, еще восточнее.

И тут возникает вопрос – что считать Финляндией? Страну только в ее нынешних границах? Но ведь и Карельский перешеек, и западное, и северное Приладожье тоже когда-то и еще совсем недавно были Финляндией, ведь еще сто лет назад дачники, отправлявшиеся в сегодняшние Комарово, Роцино или Зеленогорск, что под Петербургом, ехали в Финляндию.

Уголок Финляндии. Худ. Альбер (Альберт) Бенуа

После Северной войны, а затем войны 1741—1742 годов, по Ништадскому и Абоскому мирным договорам часть Финляндии отошла России. Позже, когда в 1809-м вся территория Финляндии вошла в состав Российской Империи в качестве Великого Княжества, эти районы «Старой Финляндии» были включены в его состав.

И, говоря о связях, которым много веков, какую из всех этих границ считать за рубеж между странами?

И где, и когда начинаются эти связи?

Весь, меря, карела, ижора, водь – это все финские племена, которые влились в состав русского этноса... На то, что северная часть Центральной России была заселена именно финскими племенами, до сих пор указывают многочисленные топонимы.

Самый близкий финнам народ – карелы – живет и в Республике Карелия, и в Тверской области, куда в XVII—XVIII веках пришли переселенцы из районов Приладожья. В современной Финляндии тоже существует регион Карелия, и карелы, сегодня отличающиеся от финнов в основном лишь тем, что исповедуют православие, представляют собой в стране Суоми самостоятельное, правда, в основном этнокультурное меньшинство. Карелы, некогда союзники Новгорода, влились в состав финской нации наряду с племенами хяме (емь, или ямь) и суоми (сумь). Так что предками современных финнов и значительной части населения российского Северо-Запада были одни и те же племена.

Помню свой разговор, имевший место несколько лет тому назад с тогдашней главой московского офиса Центра по развитию туризма Финляндии (МЕК) Пиркко Перхеентупа.

Незадолго до этого мы случайно встретились с ней на вечере в финском посольстве в Москве, посвященной тверским карелам, и она, объясняя мне свой интерес к этой теме, сказала, что ее корни с Карельского перешейка и Приладожья, из тех самых мест, откуда карелы и переселялись на тверские земли.

«А знаете, тут звонит мне мой дядя из Финляндии – он ушел на пенсию и решил на отдыхе заняться поиском наших предков, откуда пошел наш род, – рассказывает Пиркко. – Так вот, звонит он недавно и говорит: “Хочешь увидеть своего прапрапрапра – много

“пра” – деда? Пойди в храм Василия Блаженного, и там висит икона Александра Невского, а с ним его соратник Пелгусий. Вот он и есть наш предок!”.

Фамилия дяди и моя девичья – Пелконен, – рассказывает дальше Пиркко. – Вот он, занимаясь поисками в архивах, и вывел ее от сподвижника вашего великого князя, героя и святого Александра Невского. Ну, я, конечно, рассмеялась: как такое может быть!?»

Самое удивительное, что может!

Пелгусий, или Пелгуй, – имя действительно встречающееся в древнерусских текстах. В XIII веке в районе Невы, по обоим берегам Финского залива, располагалась «морская сторожа» ижорян, финского племени – предков ингерманландцев, несшая охрану путей к Новгороду с моря. Ижоряне уже приняли православие и являлись союзниками Новгорода. Однажды на рассвете июльского дня 1240 года старейшина Ижорской земли Пелгусий, находясь в дозоре, обнаружил шведскую флотилию и спешно послал доложить обо всем Александру. Он крестился в свое время и принял имя Филипп, однако летописи упорно называли его прежним, языческим, именем.

Получив известие о появлении неприятеля, новгородский князь Александр Ярославич решил внезапно атаковать его. Произошедшее сражение и вошло в историю как Невская битва, после которой князь и стал именоваться Александром Невским.

Все авторитетные историки считают, что Пелгусий – лицо, безусловно, достоверное. А его имя скорее всего это искаженное Пелкунен, или Пелконен (соответственно падежная форма Пелкусен, или Пелкосен).

Примечательно, что финские источники говорят о том, что в Инкеримаа (Ингерманландии), Приладжье, на Вуоксе в XIII веке жил род Пелконен, и современные обладатели этой фамилии имеют корни именно из этих мест, а значит, являются дальними потомками Филиппа-Пелгусия!

Если это так – а скорее всего это действительно так – русско-финские связи насчитывают много столетий, и, главное, провести грань, границу между тем, что в долгое время считавшихся «пограничными» областями называть «русским», а что «финским», практически невозможно.

Хочу напомнить слова прекрасного русского писателя Ивана Шмелева, сказанные про отношение финнов к Валааму: «Валаам чужим им не был: такой же, как и они, суровый, молчаливый, стойкий, крепкий, трудовой, крестьянский».

И действительно – драгоценную святыню Валаам воспринимают не только у нас, в России, но и в Финляндии.

Я не случайно вспомнил этот монастырский остров на Ладоге, его имя не раз прозвучит в этой книге. В отношении к нему выкристаллизовываются отношения двух стран и народов, в этом монастыре переплетаются судьбы культуры и судьбы людей.

Приезжая в Финляндию, почти всюду встречаешь следы России.

Еще в XIX веке в финском языке появились такие слова, как каракка (от русского слова кабак), тугта – тюрьма, putka – будка (правда, это слово переводится с финского как тюрьма), kanava (канал), votka – водка, remontti – ремонт и, наконец, mesta – место (это слово используется в разговорном финском языке).

Русское влияние можно обнаружить даже в сфере кулинарии. В Финляндии икру, например, подают с рубленным луком и сметаной. Многие финны уверяли меня, что это – традиционный русский рецепт, принесенный сюда в позапрошлом веке. И, как оказывается, забытый теперь в России, но сохранившийся в Финляндии.

Считается, что пара старых ресторанов в Хельсинки – едва ли не единственные места, где до сих пор можно отведать блюда настоящей русской кухни, такой, какая она была до 1917 года.

Известный финский историк Матти Клинге, занимающийся темой «Русские в Финляндии», отметил, что культурная жизнь в его стране стала более разнообразной благодаря влиянию Санкт-Петербурга. В XIX веке Санкт-Петербург впитывал в себя все новое, приходящее из Европы, публика внимательно следила за новинками моды и не пропускала балетных и театральных премьер. Путем диффузии новые привычки общества перенимались сначала из Европы в Санкт-Петербург, а оттуда распространялись по другим городам, а также по Финляндии. Таким образом, и в Финляндии публика стала собираться на показы балета, появилась возможность ознакомиться с западным искусством. На обеденных столах появились до тех пор не известные в кулинарии чай и шоколад, а в финских кабаках стали распивать немецкое пиво.

Православное кладбище Хьетаниеми в Хельсинки. Из 11 тысяч могил 80 процентов принадлежат русским

Не только архитектура православных церквей перешла из России на финскую землю, но и строительством городских сооружений занимались специалисты, прибывшие из России. Достаточно вспомнить комплекс в столице Финляндии на Сенатской площади. Немецкий архитектор Карл Людвиг Энгель приехал в Россию в 1815 году, где он успел проработать, прежде чем получил задание перестроить Хельсинки. Сенатская площадь, построенная в стиле ампир, напоминает архитектуру зданий, возведенных в те времена в Санкт-Петербурге.

В Финляндии пьют пиво марки «Синебрюхов», известной, правда, по усеченной для удобства произношения форме «Кофф». В городе Савонлинна можно полазать по крутым каменным лестницам замка, один из бастiónов которого до сих пор зовется «Суворовским»: будущий генералиссимус, а тогда генерал, укреплял там рубежи России. В местной топонимике финских городов можно услышать такие названия, как Сибирь, Амур и Порт-Артур...

В Финляндии, в былые годы, снимались голливудские фильмы, в которых действие разворачивалось в России или Советском Союзе, – идеальнее натуру найти было невозможно. Сюда западные советологи ездили изучать нашу страну – по прекрасным собраниям

литературы, по внешнему сходству природы и даже географической близости. Даже сейчас в Финляндии есть аттракцион для туристов – «Российская граница», а лежащие у нашей границы города Лаппеэнранта и Иматра называют «воротами на Восток».

Но, конечно же, «русское присутствие» в Финляндии – это прежде всего люди. Но, говоря о русских в Финляндии, надо помнить, что речь идет не только и даже не столько об эмиграции. В Финляндии с давних времен было русское население. Причем значительная его часть, особенно из среды купечества, достаточно быстро натурализовалась.

В 1724 году, то есть когда Финляндия еще была частью Шведского королевства, в Гельсингфорсе проживало всего 13 русских. После вхождения Финляндии в 1809 году в состав Российской империи и образования Великого Княжества Финляндского, сюда потянулся русский торговый люд, ремесленники, обосновавшиеся рядом с военными гарнизонами, а также крепостные из Ярославской, Тульской и Орловской губерний, привезенные на пожалованные земли. Потомки этих крестьян жили на Карельском перешейке в поселках Красное Село (Кююреля) и Райвола, сохраняя свой быт, культуру и язык, вплоть до «Зимней» войны. Наступление Красной армии вынудило их отправиться в сторону Хельсинки.

Русское купечество в Финляндии было весьма влиятельно и дало несколько весьма знаменитых фигур. Достаточно называть имена Синебрюхова в Хельсинки и Ситкова – на Аландских островах.

Мелкие торговцы, занимавшиеся поставкой продовольствия для армии, становились в старой Финляндии солидными купцами, предпринимателями, заводчиками. С появлением российских гарнизонов в пределах Великого княжества Финляндского подобное явление распространилось и на основную часть Финляндии. Кроме Синебрюховых, заметное место в экономической жизни автономии занимал родившийся в местечке Хамина (территория современной Финляндии) бывший крепостной Шереметьевых Егор Ушаков. Основав в 1814 году вблизи столицы кафельно-кирпичный завод, он поставлял стройматериалы в город. Состоятельный предприниматель, имевший дома в центре Гельсингфорса, Ушаков владел шведским языком, выучил даже финский, что для людей его круга было крайней редкостью. Официальным языком Финляндии являлся шведский, и даже автор гимна Финляндии Юхан Рунеберг, писатель и сторонник финского национального пробуждения, не знал языка простого народа. В 1822 году Егор Ушаков получил чин коммерции советника, его вместе с Федором Киселевым, не менее известным предпринимателем, избрали в число городских старшин Гельсингфорса. Позже в городское собрание столицы вошли влиятельные коммерсанты русского происхождения Егор Батулин и Николай Вавулин.

Вот что писал историк Д. Протопопов в конце XIX века: «Русские занимаются в Финляндии главным образом торговлей, особенно мелочной... кроме того, они хозяева промышленных заведений, огородники, ремесленники... пользуются здесь репутацией трудолюбивых и бережливых людей, хорошо обделывающих свои дела». По словам того же автора, «недавно еще русские, особенно более зажиточные и образованные, проживающие в западной части страны, довольно быстро ошведивались и офинивались... в Гельсингфорсе у них остались только фамилии Киселевых, Синебрюховых, Королевых, Сидоровых, по-русски они не понимают. Большинство русских довольны здешними порядками». «Здесь все по закону, все правильно», – говорил Протопопову тверской мужик, исколесивший всю эту землю.

В Финляндии. Худ. Альбер (Альберт) Бенуа

В самом начале XX века в Финляндии при переписи населения было зарегистрировано 5939 граждан автономии, считавших русский язык родным. От всех постоянных жителей ее эта цифра составляла 0,22%. В действительности выходцев из России было больше. Ведь к тому времени потомки таких известных фамилий, как Sinebrychoff, Kisileff, Kavaleff, Koroleff, Wavulin, окончательно влились в местное общество и восприняли шведский язык в качестве родного. С другой стороны, в данные статистики не вошли проживавшие в Финляндии русские, не имевшие финляндского гражданства. В основном это были военнослужащие и члены их семей, православные священнослужители, а также чиновники канцелярии генерал-губернатора, число которых несколько увеличилось в первое десятилетие XX века. В 1910 году в семи крупнейших городах автономии проживало 12 тысяч подданных России.

К моменту провозглашения Финляндией независимости на ее территории оказались три категории русских: постоянные жители страны (часть из них имела финляндское гражданство), военные (весной 1918 года их было примерно 40 тысяч, к концу года осталось незначительное число отставников) и небольшая часть дачников Карельского перешейка, укрывшихся там от революционной анархии. Среди них – художник Илья Репин и писатель Леонид Андреев. Перед Первой мировой войной в собственности петербуржцев и других жителей империи числилось на перешейке 775 поместий и 10 тысяч дач.

В то же самое время, еще с XVIII века множество уроженцев Финляндии, пусть в основном и шведов по происхождению, связали себя с Россией и служили на ее благо.

Достаточно вспомнить лишь несколько имен. Например, создатель Никитского ботанического сада в Крыму Христиан Христианович Стевен (1781—1863 гг.), родившийся в Фридрихсгаме (ныне Хамине) Выборгской губернии, – известный ботаник, доктор медицины, садовод и энтомолог.

Или Кнут Адольф Шернвалл (1819—1899 гг.), или Шернваль (запомним эту фамилию, она не раз будет фигурировать в моем повествовании) – известный строитель железных дорог. Окончив Финский кадетский корпус в Хамине и поступивший в Инженерный институт в Петербурге, он проявил себя незаурядным инженером-строителем на строительстве

железной дороги Петербург—Москва. Когда он вернулся к себе на родину, он принял самое активное участие в проекте железной дороги между Петербургом и Хельсинки. И именно он в интересах развития финской торговли поддержал идею строительства железной дороги с широкой колеей. Так что мы ему сегодня обязаны тем, что поезда из Москвы и Петербурга, идущие в Финляндию, не должны подолгу стоять на границе. Шернвалл в 1867 году был назначен главным инженером строящейся дороги, движение из Питера в Хельсинки было открыто в 1870 году и дало толчок быстрому росту финляндской экономики. Затем Шернвалл занимал в Петербурге должности начальника Российского управления железных дорог и Главного инспектора всех российских железных дорог. В 1888 году Шернвалл был вместе с царской семьей во время известной железнодорожной катастрофы в Борках, где был серьезно ранен.

А кто не знает прекрасный парк Монрепо на окраине Выборга? Его создал барон Павел Николаи. В России во времена советского лихолетья его имя было предано забвению, и даже его могила на маленьком островке в Монрепо была осквернена. Однако в период расцвета России имперской семья баронов Николаи, принадлежавшая к избранному кругу российской аристократии, была широко известна и в России, и в Европе. Павел Николаи, чьи предки верой и правдой служили русским императорам со времен Павла I, выбрал необычный путь: он стремился посвятить себя христианскому служению ближним, много путешествуя, начал – едва ли не первым в нашей стране – помогать заключенным в тюрьмах, охватив своей деятельностью всю Сибирь. Деятельность Николаи не знала никаких границ: ни классовых, ни расовых, ни географических, ни религиозных.

Рассказывают, что последний из рода баронов Николаи в 1918 году увидел в Морепо толпу революционеров. Один солдат загородил им дорогу, сказав: «Я не дам тронуть его, это ангел, не человек. Он спас мою семью от голода». И толпа удалилась!

В начале прошлого века безземельные финны, откликнувшиеся на «призыв» столыпинской реформы, осваивали Дальний Восток, участвовали в строительстве Транссиба.

Именно финны первыми стали исследовать наших тверских карел – еще со второй половины XIX века и до наших дней: чуть ли не регулярно в Бежецкий и Весьегонский уезды приезжали финские собиратели фольклора, лингвисты, этнографы.

Да, есть масса уроженцев Финляндии, которые стали знамениты именно в России, прославились своими делами в Москве, Петербурге и вообще на бескрайних просторах нашей страны.

«Финский Петербург», которому были посвящены целые исследования, это отдельная и любопытнейшая тема – финские молочницы, купцы, ювелиры, работавшие в том числе и у Фаберже, капитаны и команды пароходов, возивших паломников из Петербурга на Валаам и Коневец...

Может возникнуть вопрос: а какое отношение они имеют к теме «Русская Финляндия»?

А все дело в том, что Хельсинки, тогдашний Гельсингфорс, и Петербург соединялись тысячами нитей. Многие жители Хельсинки, в том числе и из числа предпринимателей и деятелей культуры, работали в Петербурге, были связаны с Россией и, возвращаясь в Финляндию, были уже «отчасти русскими». И границу провести очень сложно.

Возьмем для примера прекрасно всем знакомую – и в Финляндии, и в России – кондитерскую фирму «Фацер», которая была основана в 1891 году Карлом Фацером, сыном швейцарца, переселившегося в Финляндию. В 18 лет он отправился в Петербург, Берлин и Париж с мечтой стать кондитером. Петербург был идеальным местом для того, чтобы начать дело – русский шоколад имел хорошую репутацию и доминировал на рынке. В Петербурге Карл встретил знаменитых шоколадных дел мастеров. Обучившись рецептам, Карл открыл в 1891 году в Хельсинки свою «русско-французскую кондитерскую», а в 1894 году зарегистриро-

вал свою марку «Karl Fazer». Его конфеты, пирожные, торты, мороженое имели огромный успех, заказы приходили от самых влиятельных людей не только из Финляндии, но и всей Скандинавии... Швейцарец, он стал гордостью Финляндии. Но привез свое мастерство из России, которая также стала рынком сбыта его продукции.

Примечательна, хотя и гораздо менее известна, деятельность брата Карла, Эдварда, который был антрепренером. Именно Эдвард был импресарио Мариинского балета и организовал гастроли «Мариинки» в Европе в 1908—1910 годах, то есть уже за год до Дягилева. Его заслуга состоит в том, что он первым вывез именно труппу – до него за границей выступали только отдельные артисты, Дягилев же эту идею успешно подхватил. Финская исследовательница Йоханна Лаакконен даже посвятила свою кандидатскую диссертацию этой теме: «Эдвард Фацер и Императорский русский балет».

То же самое можно сказать и о финских ювелирах, работавших на фирму Фаберже. Тем более что, после того как наследник «империи Фаберже» Агафон перебрался в Хельсинки, их связи не прекратились. Одним из этих мастеров была, например, Альма Пиль (1888—1976 гг.), которая работала, как и многие другие финские ювелиры, у Фаберже в Петербурге. Ее имя в России сегодня обычно вспоминают в связи с последней распродажей из Оружейной палаты в 1933 году, когда ушло великолепное мозаичное яйцо ее работы, в котором драгоценные камни имитировали вышивку по канве крестиком и которое ныне принадлежит английской королеве Елизавете II.

Я задаю себе вопрос: а если бы не революция 1917 года и не последовавшая за ней независимость Финляндии, разве мы бы говорили, что братья Фацеры или Пиль были «не русскими»?

А вот другие примеры, другие имена.

Карл Густав Маннергейм был офицером Русской армии, воевал за Россию на фронтах Русско-японской и Первой мировой войны, а стал финским маршалом и президентом Финляндии. Или Аврора Шернваль – финская шведка, но известная сегодня в Финляндии под фамилией своего мужа как Кармазина.

В поселке Рошино на Карельском перешейке, в бывшей финской Райволе, на берегу озера можно увидеть небольшую каменную стелу: на ней – стихи на шведском языке, имя Edith Sodergran и даты жизни – 1892—1923.

Кто у нас знает это имя – Эдит Седергран? А она ведь выросла в Петербурге. И, хотя и не получила признания при жизни, теперь считается одной из лучших поэтесс Финляндии, а ее имя называют среди величайших поэтов-модернистов Скандинавии. Стихи Эдит, отличающиеся свежестью и особой образностью, переведены на языки разных стран мира, ее творчество вдохновило многих поэтов.

Но есть и русские имена, которые прекрасно известны в Финляндии, но забыты или просто не известны у нас.

Ну, допустим, что кому-то у нас говорит имя князя Михаила Долгорукова? А в Финляндии ему стоит памятник.

Или вот поэт, прозаик и журналист Иван Савин (1899—1927 гг.), имя и творчество которого стали известны в России лишь в начале 1990-х годов. Иван Савин (Саволайнен) родился в Одессе, но все детство и юность провел в Полтавской губернии. Дед Ивана Савина – Йохан Саволайнен, финский моряк, встретил в Елисоветграде русскую гречанку, женился на ней, остался жить в России. От этого брака родился отец поэта, Иван Иванович-старший.

Вся семья Саволайнена (они писали свою фамилию на русский манер – Саволаины) была сметена ураганом революционных событий и Гражданской войны. Два старших брата, Михайловские артиллеристы, были расстреляны в Крыму. Иван Савин попал в плен в Джан-кое...

Когда с помощью своего солдата-улана Савину удалось добраться в 1921 году до Петрограда, где встретился с отцом, ему пришлось провести холодную и голодную зиму.

Савина с отцом отпустили, так как у них были в порядке финские бумаги, и они приехали в Хельсинки, где отец работал на сахарном заводе, а Иван Савин устроился на том же заводе сколачивать ящики... После плена и голода даже такая жизнь казалась просто сказочной.

Иван Савин начал печататься в местной газете «Русские вести». Писал и в газеты «Сегодня» (Рига), «Руль» (Берлин), «Новое время» (Белград), «Возрождение», «Иллюстрированная Россия» (Париж) и сразу же в свои 24 года завоевывает любовь и уважение всей русской колонии. Кроме того, он вел кружок русской молодежи в Хельсинки. Стал по праву одним из известнейших поэтов Белого дела. За эти оставшиеся несколько лет жизни Иван Савин успел рассказать о пережитом. Он привлек внимание к запискам Мальсагова, побывавшего в Соловецком лагере. На Валааме встречался и беседовал с Анной Вырубовой. Иван Савин рассказал о жизни в Крыму, дошедшей до «раскаленного ужаса». Художник Захаров в 1926 году представил Савина и его жену Людмилу И.Е. Репину. Илья Ефимович сокрушался, что не успел написать портрет Ивана.

Иван Савин

Савин продолжал любить Россию, верить, надеяться на ее возрождение. За пять лет жизни в эмиграции им было опубликовано только в газетах Гельсингфорса более сотни статей, очерков, рассказов и стихотворений. За год до смерти вышел его единственный прижизненный сборник стихов «Ладонка», изданный в Белграде Главным правлением Галлипольского общества. Представляя читателям поэта, автор предисловия к сборнику В. Даватц написал: «В Крыму он потерял свою свободу; в Финляндии – нашел ее снова. Свободу без родины...»

Высокую оценку его стихам дал Иван Бунин: «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе...»

Умер поэт в Хельсинки 12 июля 1927 года и похоронен на хельсинкском кладбище ХиетаниEMI. На его могильном памятнике высечена надпись: «Иван Иванович Саволаин», а под ней – «поэт Иван Савин».

Кто он, Иван Савин – финн или русский? И разве это имеет значение? Он был финном по паспорту, частично по крови, но был русским патриотом и вообще человеком чисто русским, готовым отдать жизнь за Россию.

Послереволюционная русская эмиграция – это целая отдельная тема. В Финляндию бежали из Петербурга – было близко. Бежали по суше, по морю, по льду...

Многих революция застала на дачах на Карельском перешейке – они задержались там до лучших, более спокойных времен, но, так и не дождавшись их, остались в Финляндии навсегда.

Решили не возвращаться в столицу и те, кто просто жил и работал на территории Великого Княжества. Находилось здесь и множество русских военных – к 1917 году их было расквартировано 125 тысяч. После революции большинство из них вернулись на родину, но часть офицеров осталась в Финляндии, чтобы присоединиться к эмигрантам, хлынувшим из Питера. Осенью 1918 года беженцев, перешедших финскую границу, было уже около трех тысяч, а к концу 1919 года – пять тысяч. После Кронштадтского мятежа 1921 года число русских в Финляндии увеличилось еще на восемь тысяч. В результате «первой волны» эмиграции русское население в стране достигло к 1922 году 35 тысяч человек.

Многие эмигранты, прибывшие в Финляндию, держали путь дальше – в Берлин, Прагу и Париж.

Будучи меньшинством в автономном Великом Княжестве Финляндском, русские в то же время были представителями большинства Российской империи. В стране же, обретшей независимость, многие утратили прежний социальный статус. Бывшие офицеры становились рабочими. Конфетную фабрику «Фацер» называли в Гельсингфорсе «русской академией». Трудились русские и на колбасной фабрике «Маршан», на Кабельном заводе, в доке «Вяртсиля». Имевшие склонность к живописи разрисовывали фарфор и керамику на фабрике «Арабия». На Карельском перешейке и в Приладожской Карелии, где жила добрая половина всех русских, работой обеспечивал предприниматель Ф.И. Сергеев, владевший табачной фабрикой, пивоваренным и мыловаренным заводами. Известны были как русские предприятия лесопромышленный завод Жаворонковых в Суоярви, картонная фабрика Зориных в Райвола и Терийоки, конфетные фабрики Кулаковых и Васильевых.

Примечательна судьба коммерции советника Ф.И. Сергеева, переселившегося в 1854 году подростком из Ярославской губернии в Выборг, – он был известен своим меценатством и благотворительной деятельностью. В первые годы независимости Финляндии Выборгский Русский реальный лицей и местная народная школа существовали главным образом на его пожертвования, полмиллиона марок выделил он и в фонд основания высшей школы в Выборге. Православная церковь получила 205 тысяч финских марок на сооружение храма на Ристамякском приходском кладбище. Не оставались без поддержки спортивные общества, любители драматического искусства и просто попавшие в беду люди. После «Зимней» войны заметная часть из наследства Ф.И. Сергеева перешла по дарственному завещанию его старшего сына Хельсинкской высшей коммерческой школе.

Глава Русской канцелярии в Хельсинки, бывший офицер Генерального штаба С.Э. Виттенберг в своих дневниках оставил достаточно подробные воспоминания о жизни русской колонии в Финляндии в первый год финляндской независимости.

Большую популярность среди русских имел бывший комендант Свеаборгской крепости полковник К.Е. Кованько, ставший центральной фигурой среди русского населения в Финляндии. Авторитетом пользовался и В.В. Белевич, директор Александровской мужской гимназии. Любопытна и судьба Константина Арабажина, который волей случая в первые

годы финляндской независимости стал одной из ведущих фигур среди русской диаспоры в Финляндии.

Константин Иванович родился в 1866 году в Каневе на Украине и по отцу приходился близким родственником известному украинскому историку В.Б. Антоновичу, а по матери – Марианне Бугаевой – был двоюродным братом русского писателя Андрея Белого (Бугаева). В 1891 году он переехал в Петербург, где преподавал русский язык и литературу, активно участвовал в общественной жизни, был учредителем Общества народных университетов, заявил о себе как публицист, редактор и театральный критик.

Остатки былого. Сумерки. Финляндия. Худ. Исаак Левитан

Финляндский период в жизни Арабажина начался в 1913 году, когда он по конкурсу занял освободившееся место профессора русского языка и словесности Гельсингфорсского университета. Окончательно он переехал туда лишь в конце 1917 года, после провозглашения независимости Финляндии. Обосновавшись в Хельсинки, Арабажин активно включился в местную общественную жизнь, состоял членом или председателем советов ряда местных русских учебных заведений. Он издавал ряд русскоязычных газет – «Голос русской колонии», «Русский голос», «Русский листок», «Русская жизнь». При этом Арабажин ставил цель объединить все слои русского населения в Финляндии, не вмешиваться во внутренние финские дела и способствовать сближению финнов и русских. Не случайно именно он в 1918 году был избран одним из четырех представителей русского населения для связи с финскими властями. С «Русской жизнью» сотрудничали, например, Е.А. Ляцкий, Н.В. Дризен, Н.К. Рерих, Г.П. Струве...

Правда, русское общество в Финляндии было очень разнородным и его раздробленность и раскол преодолеть было невозможно. Например, «Русская жизнь», вопреки желаниям Арабажина, фактически стала органом Политического совещания при генерале Юдениче. Начавшаяся внутри русских организаций борьба за лидерство стала перерастать в откровенные раздоры и интриги.

Между тем самого Арабажина финские власти стали считать «подозрительным» и «политически неблагонадежным лицом» за якобы имевшиеся у него контакты с Советской Россией. Имелось в виду санкционированное самими властями его участие в переговорах с представителями большевиков летом 1918 года об обмене русских военнопленных в Финляндии на арестованных в России финляндских граждан.

В ноябре 1919 года Арабажин стал главным редактором новой газеты «Рассвет», издание которой продолжалось до середины февраля 1920 года. Летом 1920 года Арабажин уехал сначала в Таллин, а потом в Ригу, где и продолжал свою деятельность до самой смерти в 1929 году.

Надо отметить, что во многом по инициативе Арабажина в Хельсинки было создано Общество «Русская колония в Финляндии», в котором он стал председателем правления.

Если Особый комитет по делам русских в Финляндии был в основном своего рода консульской службой, то «Русская колония в Финляндии» – общественной организацией, ставившей целью создание «очага русской культуры вне родины». Поток беженцев определил приоритетное направление работы «Русской колонии» в начальный период: оказание неотложной помощи прибывающим. Организованный при обществе Комитет по заготовке белья обеспечивал одеждой неимущих русских. Несмотря на сложность материального положения, не были оставлены без внимания духовные потребности беженского сообщества. Уже в январе 1920 года «Русская колония» основала в Гельсингфорсе свою библиотеку, занималось общество и организацией благотворительных концертов и лекций. Благо Финляндия приютила тогда немало талантов. К примеру, историю балета и вокального искусства страны трудно представить без таких имен, как А. Сакселин, М. Пайшева, Д. Арбенин, Г. Ге, Л. Нифонтова, Н. Бегичев, А. Каменский, Е. Никитина. Репертуар известного ценителям музыки Гельсингфорсского Великорусского оркестра, руководимого А. Губертом, включал произведения Чайковского, Сибелиуса, Шуберта, Верди, Бородина, Ярнефельта... Привлекали публику и выступления Гельсингфорсского русского хора под управлением И.В. Стратова. Бывший петербуржец Г. Годзинский, с успехом выступавший в русских залах Гельсингфорса и Выборга, стал в Финляндии известным музыкантом и любимым композитором. Кстати, уже в 1928 году русские эмигранты основали в Финляндии свой театр. Заметную роль в жизни объединения играли бывшие офицеры, непримиримые, как правило, к большевизму.

В мае 1925 года в газете «Новые русские вести», которую издавал и редактировал член правления «Русской колонии» Валериан Воутилайнен, появилась статья Ивана Савина – страстный призыв вступать в общество «Русская колония в Финляндии». «В настоящее время, – писал поэт, – общество «Русская колония» является собирательным началом всего русского в Финляндии, своего рода национально-бытовой надстройкой над организациями и обществами, входящими в нее в качестве автономных единиц, что предусмотрено утвержденным властями уставом общества...» Задачу автор статьи видел в том, чтобы «создать очаг русской культуры вне родины в годы, когда сожжены дотла наши очаги там, в России».

Кроме вышеназванных, в Гельсингфорсе выходили и другие многочисленные, но, как правило, недолговечные издания на русском языке.

В 1933 году начал выходить литературно-общественный ежемесячник «Журнал Содружества». В отличие от 1920-х годов, когда в Гельсингфорсе издавались, сменяя друг друга, главным образом ежедневные газеты, в 1930-е, после долгого «безголосного» существования (если не считать чисто церковных изданий), русская культурно-общественная жизнь отражается на страницах журнала, а центр печатного слова перемещается в Выборг. Представляя читателям издание, редакция подчеркивала, что «Журнал Содружества» – «вне всякой политики группирует вокруг себя русских людей, не желающих забыть родной язык и родную русскую культуру, забыть, что они русские».

Основателем нового журнала стало Содружество бывших учащихся Выборгского Русского реального лицея. Уже со второго номера ответственным редактором его значится получивший образование во Франции инженер-механик Ф.В. Уперов, а затем его брат, Игорь Уперов, становится во главе журнала. Эта фамилия была известна в Выборге. Их отца полковника В.В. Уперова, зятя коммерции советника Ф.И. Сергеева, знали как одного из самых активных и уважаемых общественных деятелей. Ему и принадлежала мысль о создании подобного печатного органа. Этот журнал, помимо Финляндии, читают в Эстонии, Латвии, Швеции, Чехословакии, Бельгии, Франции, Швейцарии, США и даже в Конго и Южной Африке. Говоря о послереволюционной русской эмиграции в Финляндии, нельзя не сказать отдельно об Анне Танеевой-Вырубовой. Ее имя окружено множеством слухов, сплетен и легенд. При этом одни рисуют ее авантюристкой, другие считают святой.

Анна Танеева-Вырубова

Но именно Финляндия, где она прожила много лет, до самой своей смерти в 1964 году, хранит ее архивы и воспоминания знавших ее людей, которые показывают Анну Танееву-Вырубову не как преступницу, а как жертву, заложницу ее любви и преданности к семье последнего императора России. В 1987 году издательством «Отава» под редакцией Ирмели Вехерьююри была выпущена на финском языке книга «Анна Вырубова, фрейлина царицы». В книге около 200 фотографий из архива редактора. Две главы написаны иеромонахом Нововалаамского монастыря Арсением на основании подлинных документов. Содержание книги не оставляет сомнений в том, что сложившийся среди русских (как в России, так и в Финляндии) негативный образ Анны Танеевой-Вырубовой не имеет ничего общего с реальностью.

Несколько лет назад по финскому телевидению в серии документальных программ был показан и фильм об Анне Танеевой-Вырубовой. Директор музея «Царское село» Лариса Бардовская прямо указывает на советских творцов мифа о Вырубовой – авторов подложных ее мемуаров писателя Алексея Толстого и историка Щёголева, которые то ли из-за страха репрессий, то ли из-за денег взялись выполнить этот заказ «партии и правительства».

Примечательно, что, перебежав в Финляндию, Танеева -Вырубова многократно получила отказ в выдаче финского гражданства по причине отсутствия достаточных средств к существованию и жила здесь очень скромно, почти нищенствовала.

В эмиграции Анна завязала знакомство с Выборгским епископом Александром, с валаамскими монахами, и особенно со схиигуменом Иоанном и схииеромонахом Ефремом, который в свое время был близок ко двору.

Посещение Валаама и духовные беседы со схииеромонахом Ефремом упрочили решение Анны постричься в монахини. Еще будучи в Петрограде, она дала обет Богу, что если они с мамой, избегнув опасности, окажутся в Финляндии, то она пострижется в монахини. Так как она была инвалидом, ее, нетрудоспособную и непривыкшую к тяжелым физическим работам, не могли взять в действующий Линтульский женский монастырь. Отец Ефрем все-таки желал помочь своему духовному чаду в этом ее стремлении и постриг Анну тайно в монахини с именем Мария в Смоленском скиту на Валааме. Такое действие было в то время весьма распространено, особенно среди эмигрантов. «Постриженная в тайную монахиню» не жила в монастыре, но продолжала свою жизнь в миру, исполняя определенное ежедневное молитвенное правило, а также посещая богослужения в приходской церкви. Ей надо было скромно одеваться и избегать светской жизни. Возможно, именно в связи с монашеским постригом Анна с 1930 года жила самоустраненно, не потому что она пренебрегала людьми, а чтобы иметь возможность посвятить свою жизнь молитве.

Примечательно, что маршал Маннергейм летом 1940 года написал для нее следующее письмо: «Свыше тридцати лет знаком с Анной Танеевой, с ее уважаемыми родителями и многими их родственниками; прошу всех тех, кто окажется в общении с госпожой Танеевой, ставшей инвалидом в результате железнодорожной катастрофы, относиться к ней сочувственно и с пониманием».

Но предвоенная эпоха заканчивалась, чувствовалось приближение катастрофы. За год до войны в Финляндии проживало 5819 бывших подданных Российской империи, русских, не имевших финляндского гражданства – на две тысячи меньше, чем за десять лет до того. В 1918— 1940 годах 4330 русских получили финские паспорта. Утрата Выборга, Карельского перешейка и других территорий, повлекшая переселение русских в разные районы Финляндии, ускорила процесс ассимиляции.

После выхода из Второй мировой войны Финляндия была вынуждена пойти на ряд уступок Советскому Союзу, которые, в частности, развязали руки советским спецслужбам на территории страны.

В апреле 1945 года Хельсинки полнился слухами об аресте множества русских эмигрантов и выдаче их советским властям в лице так называемой «Контрольной комиссии». Дошло до того, что президент Финляндии Карл Густав Маннергейм поинтересовался у премьер-министра Ю.К. Паасикиви об их судьбе. Оказалось, что в ночь с 20 на 21 апреля 20 человек из представленного списка 22 человек (двое успели, видимо, покинуть Финляндию) были задержаны и переданы Контрольной комиссии. Ночной операцией и действиями финской полиции руководил подполковник МГБ А. Федоров. В хельсинкском аэропорту, куда задержанных привезли попарно скрепленными наручниками, их ожидал председатель Контрольной комиссии А. Жданов. Никаких допросов не проводилось, через несколько часов арестованные оказались в Лубянской тюрьме.

Могила Анны Танеевой-Вырубовой

Из этой двадцатки десять человек были гражданами Финляндии, у девяти были нансеновские паспорта и только один был гражданином СССР – Александр Калашников, бывший военнопленный, не пожелавший вернуться в Советский Союз после «Зимней

войны». В числе финских граждан имелись как урожденные граждане, так и подданные в прошлом Российской империи, получившие гражданство Финляндии.

Черной неблагодарностью отплатили спецслужбы СССР и Степану Петриченко, одному из руководителей Кронштадтского восстания. В 1927 году он был завербован советской военной разведкой. Во время войны Петриченко за враждебную к государству деятельность был, как и многие финские коммунисты, посажен в тюрьму. После подписания перемирия бывший кронштадтский моряк вошел в инициативную группу по образованию Русского культурно-демократического союза, просоветской организации, создание которой одобрила Контрольная комиссия. Несмотря на заслуги перед советской властью, он оказался в числе лиц, «виновных в совершении военных преступлений». Когда в 1947 году в Соликамский лагерь Пермской области, где Степан Петриченко отбывал десятилетний срок, пришло распоряжение этапировать его во Владимирскую тюрьму, в списке живых Петриченко уже не значился.

Архитектор Иван Кудрявцев, изысканный рисовальщик, любитель русской археологии и автор целого ряда построек в Финляндии, вспоминает атмосферу того времени: «Среди русских стали ходить тревожные слухи о том, что готовится список об аресте второй “партии”. Особенно удручающими были вести о том, что некоторые семьи русских посещаются советскими агентами, которые проводят допросы и требуют письменных характеристик поведения и деятельности определенных лиц за последние годы. Это привело к тому, что многие русские из осторожности срочно перебрались в Швецию». Осевшие в Финляндии русские эмигранты «первой волны» постепенно, так же, как и купцы в XIX веке, ассимилировались в финской среде. В 1961 году в бывшей «Табуновской» русской школе училось всего четыре человека. Для сравнения: в 1918 году это гельсингфорское учебное заведение насчитывало 400 учащихся. А в 1987 году, согласно опросам, только 2587 человек, живущих в Финляндии, назвали русский язык родным.

Иван Кудрявцев с сожалением констатировал в 1980-е годы: «Теперь нас, русских эмигрантов старшего поколения, осталось мало, а дети уже не знают русского языка...»

Однако именно в 1980-е годы начался процесс репатриации в Финляндию так называемых «русских финнов», которые составили значительную долю в эмигрантском потоке из Советского Союза, а затем из России в эту страну.

«Русскими» в Финляндии считаются и ингерманландцы (петербургские и подпетербургские финны), и потомки переселившихся в Россию финнов. Революция, большевистская коллективизация, ссылки 1930-х годов, война и разных лет циркуляры, дискриминирующие ингерманландских финнов, привели к губительным последствиям. Распыленная по необъятным просторам Советского Союза финская диаспора стремительно уменьшалась: если при переписи 1959 года в СССР проживало 93 тысячи финнов, то к 1970-му их число сократилось на 8 тысяч, девятью годами позже перепись зафиксировала 77 тысяч финнов, из которых только 40,9% назвали финский родным языком. По данным последней советской переписи в 1989 году, численность финнов в СССР уменьшилась до 67 тысяч.

«90% прибывших из России ингерманландцев – по языку и национальному самоопределению совершенно русские», – с удивлением писала одна популярная хельсинкская газета.

Сегодня в Финляндии проживает, по разным оценкам, 20—30 тысяч человек, для которых русский язык является родным. Это второе по численности языковое меньшинство (после шведского).

Переселенцы из бывшего СССР – не однородная группа: наряду с ингерманландскими финнами она включает потомков «красных» и американских финнов (которые под воздействием советской пропаганды приехали из США и Канады, чтобы «трудиться на благо социалистического отечества карелов и финнов» – новосозданную и очень недолго просуществовавшую Карело-Финскую ССР). В страну приехали как люди, защищавшие ее во время

войны и отсидевшие по 20 лет в советских лагерях, так и бывшие советские партизаны, воевавшие в тылу финской армии. Родину деда предпочел Украине внук руководителя Карельской трудовой коммуны Эдварда Гюллинга, расстрелянного в СССР в 1930-е годы. Дочь известного функционера КПСС О.В. Куусинена Рийкка Куусинен переселилась на 85-м году жизни из Москвы в хельсинкский дом престарелых, где и закончила свои дни, успев получить решение о восстановлении в финляндском гражданстве...

Зимний вечер в Финляндии. Худ. Арсений Мещерский

И большинство из них в Финляндии тоже считались «русскими»...

Говоря о «Русской Финляндии» и об исторических связях двух стран, нельзя не вспомнить, Финляндия – это и место проведения большевистских конференций, место, где Ленин и другие революционеры скрывались от царской охранки. Они тоже «наследили» здесь, да и сама их деятельность привела к тому, что после потрясений в Петербурге Финляндия стала независимой.

Свои следы в Финляндии оставили и войны с Советским Союзом – и «Зимняя», 1939—1940 годов, и Великая Отечественная – в виде разрушений от бомб, появления новых эмигрантов и интернированных, не говоря уже о новых восточных границах страны...

Целая отдельная тема это – русские цари и царские семьи в Финляндии. Многие, если не все важнейшие события в истории Финляндии XIX века связаны с русскими императорами. Но это вполне естественно, так как страна эта была Великим Княжеством, частью империи. Однако автономный статус Финляндии и ее значительная самостоятельность были результатом именного особого отношения со стороны русских царей, в первую очередь Александра I и Александра II. Но здесь нужно отметить, что для многих русских царей Финляндия была и любимым местом отдыха. Не случайно не так давно в Финляндии даже вышла целая книга – «Императоры на отдыхе в Финляндии». Ее авторы Йорма и Пяйви Туоми-Никула подсчитали, что с 1809 по 1917 год, когда Финляндия входила в состав Российской империи, наши цари провели в этой стране в общей сложности 751 день!

С пребыванием русских царей и их семей в Финляндии связано множество мест. Об этом напоминают памятники, мемориальные знаки, которые, надо специально подчеркнуть, никогда не уничтожались, а, наоборот, почитались и охранялись.

С Финляндией связан и большой пласт русской культуры. Можно долго перечислять имена русских художников и поэтов, писателей и музыкантов, которые бывали в этой стране и так или иначе отразили свои впечатления в своем творчестве.

К Финляндии, ее природе, национальной культуре, политике проявляли интерес многие русские поэты и писатели. Кое-кто из наших литераторов даже оказывался здесь в ссылке, как Евгений Баратынский, которого А.С. Пушкин назвал даже «певцом Финляндии». Другие, как Батюшков, участвовали в военных походах против Швеции, в завоевании финских земель. Позднее Финляндия стала излюбленным местом для романтически настроенных русских поэтов – здесь бывали и жили подолгу поэты Серебряного века Соловьев, Брюсов, Анненский, Мандельштам, Гарднер. В русской поэзии сохранились целые циклы стихотворений, посвященные озеру Сайма или водопаду Иматра. В них описывалась суровая красота дикой Финляндии: холодные серые воды, ревущие водопады, опасные топи, величественные гранитные валуны под низким ватным небом. Но временами в этих стихах и прозе проскальзывали и другие нотки – в Финляндии можно было не только бродить среди песчаных дюн или плавать по ровной глади прозрачных озер, вдыхать аромат болотных ягод и соленый ветер с моря, но и «мечтать о временах протекших», как сказал Батюшков и «обрывать нить сознания», по выражению Блока. Русская поэзия Серебряного века впитала в себя таинственную финскую магию как раз перед тем, как этой магии суждено было окончательно угаснуть.

Хорошо известен очерк Александра Куприна «Немножко Финляндии». В этом небольшом произведении писатель дает прекрасный портрет нации, портрет объективный, написанный с явным уважением и даже любовью: «Конечно, трудно многое сказать о стране, в которой был точно мимоходом, но все, что я видел, укрепляет во мне мысль, что финны – мирный, большой, серьезный, стойкий народ, к тому же народ, отличающийся крепким здоровьем, любовью к свободе и нежной привязанностью к своей суровой родине».

Александр Куприн

Гораздо меньше знают написанную Куприным уже в эмиграции статью «Суоми». Но почти четверть века, разделяющую время написания двух произведений, мало изменили взгляд русского писателя на Финляндию. А его фраза еще из очерка начала прошлого века — «Мне каждый раз хочется сказать относительно Финляндии: ежа голой спиной не убьешь» — оказалась в годы Второй мировой войны пророческой.

Классикой путевого очерка о Финляндии и в то же время едва ли не первым подобным отечественным произведением об этой стране стали воспоминания Анны Керн о поездке на Иматру.

Большой след оставила Финляндия и в русской живописи: северная страна, ее природа, народный быт послужили источником вдохновения не для одного русского художника.

Карл Беггров (1799—1875 гг.), отец известного русского мариниста, академика Александра Беггрова, создал известный альбом акварелей «Виды Финляндии» (1857 г.), который принадлежит к числу его наиболее значительных работ позднего периода.

Крестьянский дворик в Финляндии. Худ. Валентин Серов

Живописец, акварелист Арсений Мещерский (1834— 1902 гг.), работавший в технике сепии и занимавшийся литографией, автор многочисленных самобытных пейзажей, написал полотно «Зимний вечер в Финляндии» (1866 г.).

Валентин Серов часто проводил лето в Финляндии, общаясь с А.Н. Бенуа и другими организаторами будущего объединения «Мир искусства». Известна его работа «Крестьянский дворик в Финляндии» (1902 г.)

В Финляндии много времени провел Александр Бенуа. А его брат Альбер, в 1880—1890-х годах награжденный званием академика и ставший одним из любимейших русских художников, чьи акварели раскупались нарасхват, оставил после себя много работ с финскими пейзажами (например, «В Финляндии»).

Кисти знаменитого пейзажиста Исаака Левитана принадлежат такие, к сожалению, мало известные работы, как «Крепость в Финляндии», изображающая крепость Олафсборг в Савонлинне, и «Остатки былого. Сумерки. Финляндия» (1897 г.).

Не раз бывала в Финляндии и написала там ряд пейзажей Анна Остроумова-Лебедева.

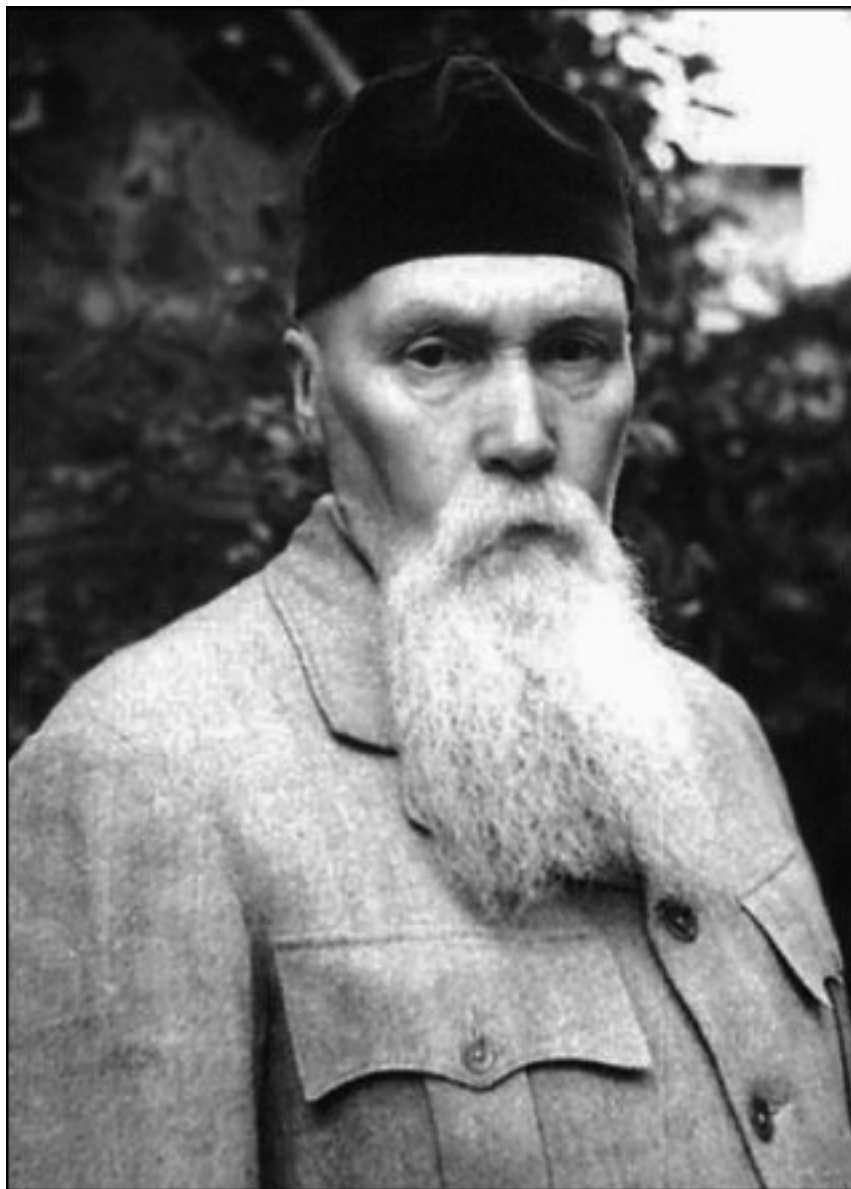
Нельзя не вспомнить и о том, что Илья Репин не один год прожил в Финляндии, а целая плеяда русских живописцев, включая Ивана Шишкина и Архипа Куинджи, ездила на этюды на Валаам и в соседние места Приладожья, которые в те времена тоже были частью Финляндии.

Но особо нужно сказать о творчестве Николая Рериха.

Как писал автор одной из книг о художнике Е.Г.Сойни, «не попади Рерих на Восток, он остался бы в истории русского искусства певцом Севера...»

Первый раз Николай Рерих побывал в Финляндии в 1899 году в поиске сюжетов картин и материалов о викингах. Идея поездки родилась не без влияния картин знаменитого финна, иллюстратора «Калевалы», лидера финского неоромантизма Акселя Галлен-Каллела. Их знакомство позже перерастет в дружбу, Аксель очень поможет Николаю в 1918 году, когда Рерих окажется непонятым финскими властями. Впечатления поездки оформились в извест-

ной картине «Заморские гости», в сказках и сагах о викингах, написанных в древнескандинавском стиле.

Николай Рерих

Второе знакомство с Финляндией состоялось в 1907 году, тогда Рерих с женой и детьми провел там лето. И время это было плодотворным. Написаны картины: «Заклятие земное» изображает ритуал охоты, «Пляска» радуется хороводом девушек на древнем празднике. Созданы восемь этюдов: «Вентиля», «Нислот. Савонлинна», «Пункахарью», «Иматра», «Седая Финляндия», «Сосны», «Камни», «Лавола». Под впечатлением от Финляндии Рерих пишет «Триумф викинга», «Варяжское море», «Песнь о викинге». В это же время художник проявляет интерес к старинным финским храмам, он подчеркивает своеобразие финской настенной живописи; фантастические орнаменты, птицы, звери напоминают ему наскальные рисунки Севера – «в них чувствуется... время, когда христианство наложило руку на священный шаманизм».

А в декабре 1916 года Рерих поселился в Сортавале и провел в Приладжье более двух лет, выезжая отсюда на карельские острова и в столицы Скандинавских стран. Здесь, на

Севере, формировались творческая личность Рериха и его мировоззрение. Здесь кристаллизовались основные идеи, владевшие им на протяжении всей дальнейшей жизни.

Более того, многие современники художников высказывались о сходстве живописи молодого Рериха и Галлен-Каллелы. «Уж если говорить о первых ранних влияниях, – писал в 1918 году автор книги о Рерихе А. Ростиславов, – то... это были влияния Врубеля, Галлена...» В 1909 году в журнале «Мир искусства» Рериха и Галлен-Каллелу сравнивал художественный критик Л. Гевези: «Рерих вызывает из тьмы веков сказочные очертания предков современной России, как его финляндский современник Аксель Галлен заставляет оживать героев «Калевалы».

Примечательно, что в 2005 году в Финляндии, в издательстве «Гуммерус» вышла целая книга «Золотой медовый век. Образ Финляндии в русском искусстве».

В книге прослеживается формирование образа Финляндии в русской живописи конца XIX – первой половины XX века. На большом архивном материале с привлечением ранее неизвестных фактов исследуются творческие связи Альберта Эдельфельта и Ильи Репина, Акселя Галлен-Каллела и Николая Рериха, осмысливается роль финской культуры в судьбе Сергея Дягилева, его «Русских сезонов», повествуется о финских эпизодах в жизни Исаака Левитана, Анны Остроумовой-Лебедевой, Александра Бенуа, Аркадия Рылова, Роберта Фалька. Автор представляет новый подход к изучению финляндского пейзажа в творчестве русских живописцев, рассказывает об источниках вдохновения, обнаруженных художниками в Финляндии. Особо надо сказать и о том мощном наследии, которое оставило в Финляндии русское православие. Православие, издревле не чуждое для населения восточных районов этой в основном лютеранской страны, было мощной духовной основой, на которой возникали и складывались связи между Россией и Финляндией.

Религия – один из главнейших факторов влияния России на финское общество. Клинге считает, что православная религия значительно повлияла на финскую культуру, в особенности это заметно в восточной части Финляндии. Православные традиции видны как в кулинарии (пасха и куличи), так и в словарном запасе финского языка. Так, например, православные часовни в Финляндии называют tsasouna, в отличие от лютеранских kapelli.

На сегодняшний день православная церковь в Финляндии существует на тех же правах, что и лютеранская, и имеет много приверженцев (в основном это русские, но много и финнов). Всего здесь сейчас около 56 тысяч православных в 25 приходах. По всей стране можно найти православные храмы, за каждым из них стоит своя история, и, конечно, в рамках одной книги рассказать обо всех них невозможно. Но нужно подчеркнуть, что православное население Финляндии особо почитает таких святых, как Сергей и Герман Валаамские, Александр Свирский, Трифон Печенгский. А наиболее чтимые иконы – Тихвинской, Валаамской и Коневской (Коневецкая) Богоматери. И это не случайно – именно эти святые первыми принесли православие на землю Финляндии, именно этим иконы издревле почитались в ближайших духовных центрах России. После обретения Финляндией независимости на ее территории оказались четыре православных монастыря, среди которых важнейшим был, конечно, Валаам. Он служил не только главным центром православия, но и вообще исконной русской культуры. И финны-лютеране относились к нему с огромным уважением и даже любовью, для них он тоже стал своим. Как тут снова не процитировать Ивана Шмелева, который писал: «Суровая Финляндия к нему привыкла. Ведь и в прошлом он был в ее границах: природа их объединила». Монастырь до 1917 года относился к Петербургской епархии, но в административном отношении входил в Выборгскую губернию Великого Княжества Финляндского и еще с XIX века подчинялся финским законам, финской администрации. После Второй мировой войны территории, на которых были расположены все эти обители, были присоединены к СССР, большинство их монахов ушло в Финляндию. И до сих пор основанный ими Новый Валаам – это главная православная святыня страны.

...Впервые я попал в Финляндию почти два десятка лет тому назад. И целью моей поездки был как раз Новый Валаам, одно из самых зримых и, вероятно, дорогих, но и во многом трагичных и драматичных свидетельств связей двух стран. С тех пор я побывал в Финляндии полтора десятка раз, объездив страну от Лапландии до Хельсинки, и от Иматры до Аландских островов. И всякий раз я находил новые и новые следы присутствия русских людей – и архитектурные памятники, и просто памятные места, и, конечно, человеческие судьбы, застывшие в этих памятниках или в рассказах и свидетельствах очевидцев.

Эта книга – своеобразный путеводитель по «Русской Финляндии». Это прежде всего рассказ о местах – городах, усадьбах или просто местностях, с которыми в наибольшей мере оказалось связано что-то Русское. Но, конечно же, это всегда и рассказ о людских судьбах. Ибо память жива не только памятниками, а прежде всего судьбами, деяниями людей. Большинство из людей, о которых пойдет речь в книге, давно ушли. Но, бывая в разных финских городах и усадьбах, бродя у руин крепости или любуясь водопадом или озерным пейзажем, я невольно чувствовал ауру, незримое присутствие этих людей, самим собой оживали картины прошлого...

О ком-то будет упомянуто лишь вскользь, о некоторых именах рассказ будет подробный.

Некоторые имена в таком понятии, как «Русская Финляндия», оставили большой след и оказались переплетены со многими другими судьбами. Он них, конечно, раз говор, особый и отдельный. Они сами заслуживают отдельной книги, но без них – не может быть и рассказа в целом.

Финляндия под голубым небом. Худ. А. Остроумова-Лебедева

Когда я собирал материал для книги, а потом писал ее, я не раз поражался: очень многие люди с именами, судьбами которых мне пришлось соприкоснуться, как-то связаны между собой.

Поэтому название книги – «Неслучайные связи» – имеет двойной смысл. Ведь не случайны не только многовековые связи России и Финляндии. Не случайно и то, что многие люди, места, события, о которых пойдет ниже речь, связаны, переплетены между собой. Да, возможно, это объясняется тем, что круг людей, о которых идет рассказ, достаточно узок, но они-то и составляют то, что мы и называем «Русской Финляндией».

Конечно же, это не полная картина «Русской Финляндии». Тема эта неисчерпаема.

Книга в основном написана на основании материалов, собранных во время личных поездок автора в Финляндию. Речь в основном идет о местах, где автору удалось побывать самому – самому увидеть, почувствовать, пообщаться с людьми.

Поэтому не могу не выразить благодарность сотрудникам, которые в разные годы работали в Московском представительстве Центра по развитию туризма Финляндии (МЕК), и без содействия и помощи которых эти поездки не могли бы состояться, либо знакомство с Финляндией было бы не таким полным и глубоким. Это – Пиркко Перхеентупа, Арто Асикайнен, Маарит Хаависто-Коскинен и Олеся Галаган.

Где-то я прочел, что для того, чтобы увидеть старую Россию, нужно отправиться в Финляндию. На первый взгляд звучит странно...

Но все дело в том, что связанные с нашим общим прошлым памятники в Финляндии сохранили сам дух, атмосферу, кажется, даже запах минувшего – того, что, увы, исчезло у нас и что нельзя воссоздать самой богатой и изощренной реставрацией. Действительно, многое из того русского, что создавалось в России и что было уничтожено у нас, осталось в Финляндии – живы имена, памятники, даже некоторые русские традиции...

Поэтому эта книга – и некоторая ностальгия по ушедшему, во многом это – картинка России, какая ушла, рассказ о людях, которые забыты.

И чем больше я бывал в Финляндии, тем чаще я соглашаюсь с этой странной мыслью: действительно именно сюда надо приезжать, чтобы узнать, почувствовать старую Россию.

«Маленький Петербург»?

Для русских Хельсинки всегда казался немного своим. Не раз я слышал от тех, кто бывал в финской столице: «Хельсинки похож на Петербург» или вовсе, что это «маленький Петербург».

В городе действительно есть немало зданий, напоминающих Санкт-Петербург. В конце концов строились они одним архитектором.

Когда Александр I в 1812 году велел перенести столицу только недавно отвоеванной у Швеции страны из Турку в Хельсинки, это был небольшой городок, мало соответствующий понятию «столица». Поэтому император в 1816 году поручил немецкому архитектору Карлу Людвигу Энгелю заняться преобразованием города. Энгель уже изрядно поработал в Петербурге и сидел на чемоданах, собираясь домой. Но вместо родного Берлина попал в Хельсинки, строить Сенатскую площадь. По его проектам были возведены кафедральный Николаевский собор, здание Сената, где ныне расположен Дворец правительства, университетскую библиотеку, резиденцию генерал-губернатора, которую передали под университет, после того как пожар уничтожил университет в Турку.

Университетская библиотека Хельсинки во многом уникальна. В нее поступали все изданные в России книги – с момента присоединения Финляндии к Российской империи до 1917 года. А поэтому нигде больше за рубежом нет такого собрания русской литературы за этот период. Возможно, оно полнее даже, чем где бы то ни было у нас – ведь в Финляндии книги не прятались в «спецхраны», не изымались, да и хранились всегда надежнее и бережнее. Не один советолог и кремленолог просиживал в хельсинкской университетской библиотеке, когда въезд в СССР им был заказан.

Кстати именно в те же времена «железного занавеса» из-за сходства с Питером Хельсинки облюбовали и западные, прежде всего голливудские кинематографисты. Для съемок фильмов из советской жизни и шпионских лент о происках агентов КГБ (самый известный из них «Парк Горького»), и, естественно, лишенные возможности приехать за «натурой» в СССР, они эту «натуру» находили в Хельсинки...

Сенатская площадь Хельсинки действительно очень напоминает Санкт-Петербург

А еще в городе Энгель построил церковь Святой Троицы, освященную в 1827 году и ставшую первым православным храмом Хельсинки, разбил парк-бульвар Эспланада, на которой ныне красуется обнаженная бронзовая девушка – «Хавис-Аманда»... Так что сходство некоторых ансамблей финской столицы с Питером не случайно.

И все же в городе гораздо больше обращаешь внимание на характерные для начала прошлого века здания в стиле финского романтизма и «югенд», северной разновидности «модерна». На нордическую функциональность и скромность, ощущение которой не может перебить даже разноцветие ярких вывесок и рекламы. И в то же время на легкость и застенчивую игривость, которой не чужда и вроде бы помпезная Сенатская площадь, где вопреки размерам царящего над ней собора, не чувствуешь подавленности. Над городом, как-никак, витает все же дух Аманды, а не «Медного всадника»...

Еще с Питером финскую столицу роднит... Смольный. Есть в Хельсинки такое здание в стиле ампира с балконами, где размещается парадный зал Государственного совета и

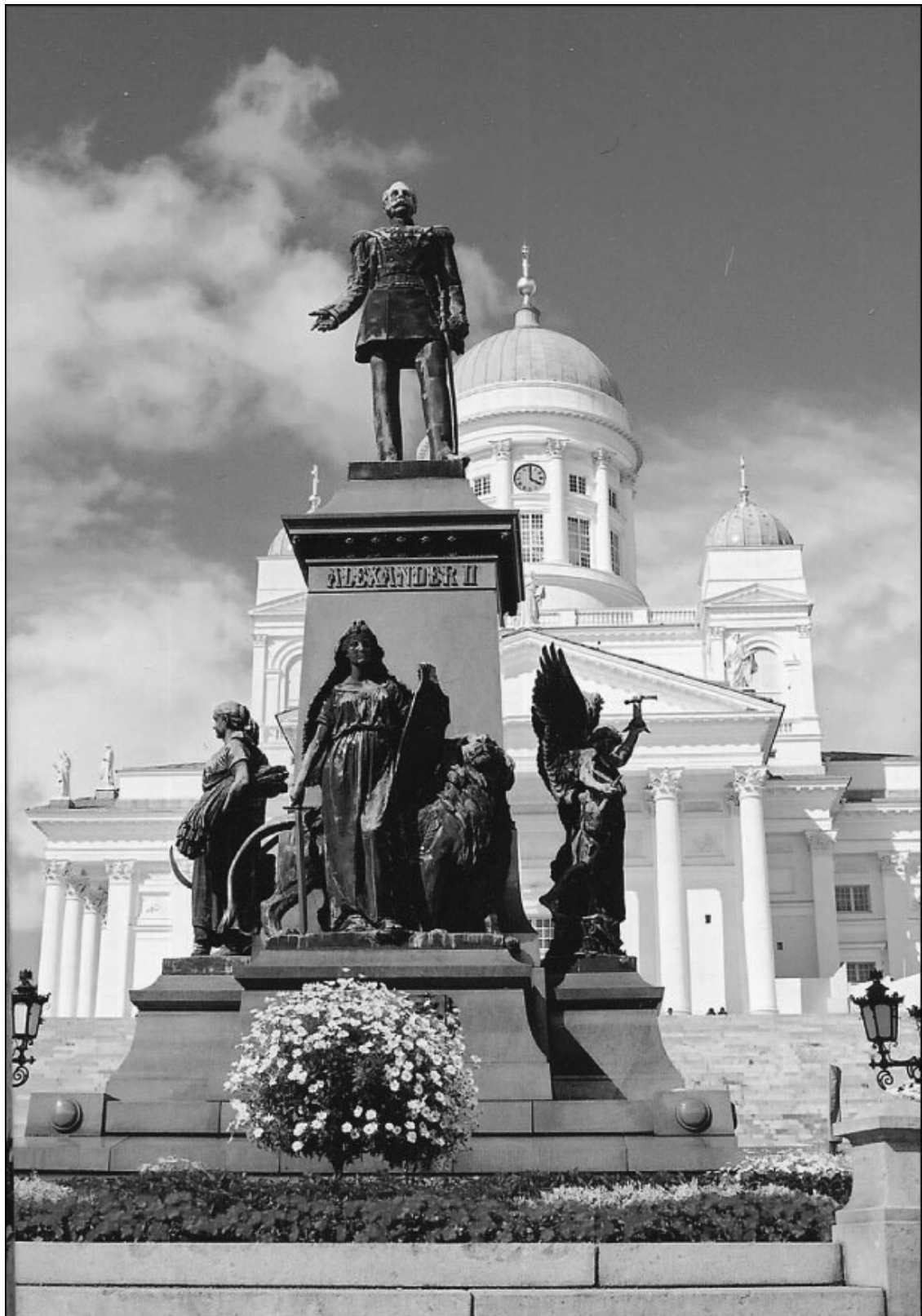
который горожане зовут Смолна. Но это лишь прозвище: оно напоминает о временах, когда там была резиденция генерал-губернатора, а также о занятии Хельсинки финской Красной гвардией в 1918 году.

Вопреки еще одному почему-то устоявшемуся у нас мнению, будто в Финляндии большой любовью окружено имя Ленина, признаков этого в Хельсинки я не обнаружил.

А вот русские цари чаще всего пользовались в Финляндии действительным уважением и любовью. В конце концов Александр I дал стране прототип парламента, а Александр II, чей величественный памятник украшает Сенатскую площадь, ввел в обращение финскую марку, а финский язык сделал государственным наравне со шведским. Главная торговая улица Хельсинки – Алексантеринкату – названа именем российского императора, чей памятник стоит на Сенатской площади.

Заодно финны чтити и царских жен: в порту, на набережной, среди пестрых лавок рынка, возвышается монумент в честь посещения царской семьей Гельсингфорса, с выбитым на нем именем императрицы Александры Федоровны, жены Николая I.

Судьба этого обелиска весьма примечательна. В 1917 году революционные матросы сбили с монумента орла. Изувеченная птица хранилась на складе музейного ведомства. Лишь много лет спустя, по инициативе Валдемара Меланко, возглавлявшего много лет Институт России и Восточной Европы, потомка Выборгского предпринимателя Ф.И. Сергеева, памятник реставрировали. 17 декабря 1971 года, в 136-ю годовщину установки обелиска, двуглавый орел вновь занял свое место. Не сразу горожане заметили случившееся, так как работа велась в вечернее время и торжественным мероприятием это событие не сопровождалось. Появление двуглавого орла, правда, не осталось без внимания советского посольства, направившего ноту протеста в связи с восстановлением в Хельсинки «символа самодержавия». В советскую эпоху памятник был единственным символом Российской империи в мире.

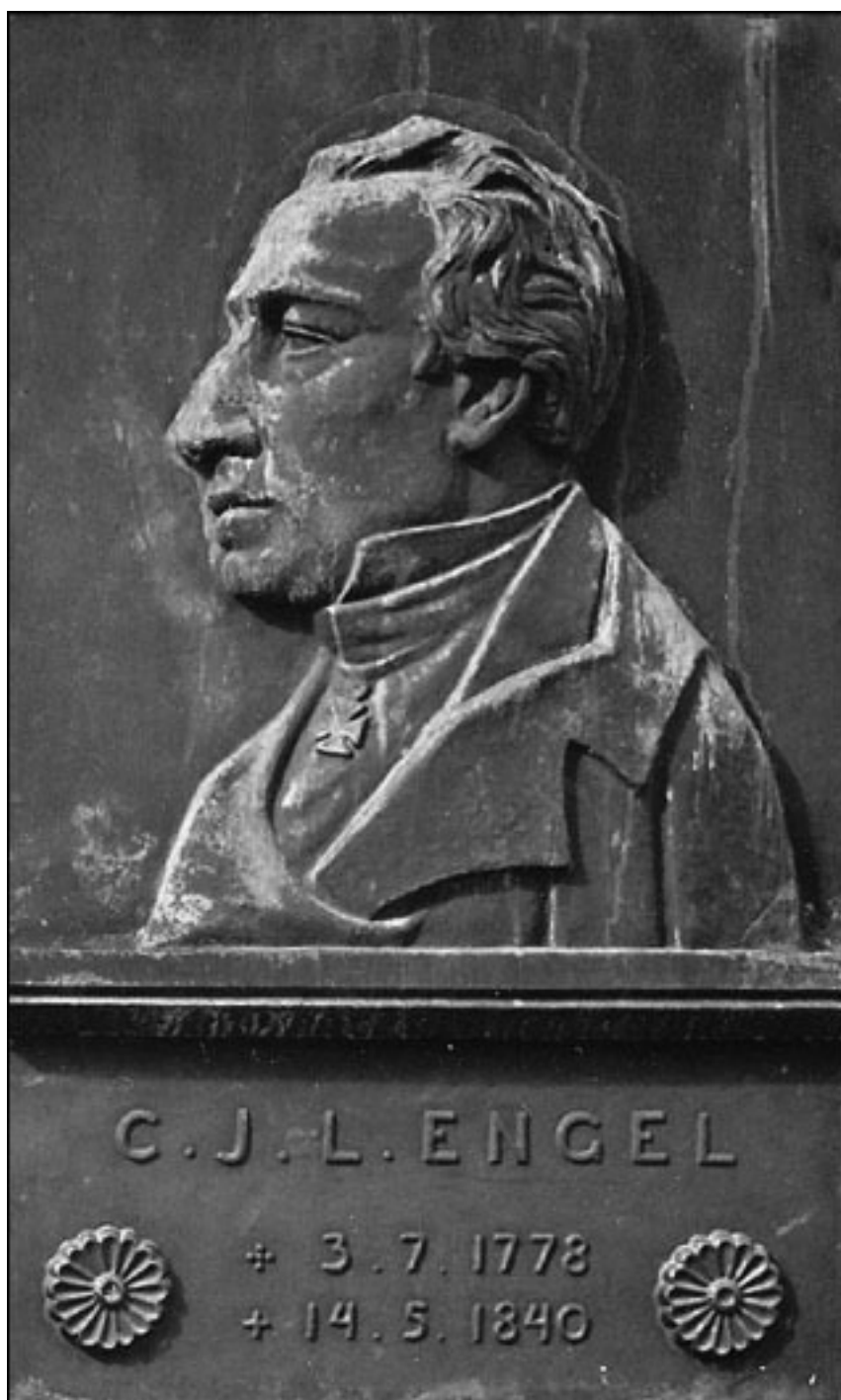

Памятник Александру II на Сенатской площади в Хельсинки. Из всех русских царей в Финляндии любили и ценили больше всего Александра II

Тут же, около порта, в самом начале района Катаянokka, застроенного импозантными домами в стиле «югенд», на скале возвышается Успенский собор. Завершенный в 1868 году, он строился одиннадцать лет по проекту архитектора-академика Алексея Горностаева.

Приверженец «русского стиля», но прекрасно чувствующий суровый характер Севера, он украсил лучшими постройками Валаам, а здесь, в Хельсинки возвел свое самое монументальное творение, которое сегодня, как и кафедральный собор на Сенатской площади, определяет панораму финской столицы. Иконы двухъярусного иконостаса собора выполнены русским художником академиком Павлом Шильцовым. Звонницу пришлось частично разобрать, потому что колокол, подаренный богатым московским купцом, оказался настолько большим, что не поместился там. На средства дарителя звонница была расширена...

Знаменитый русский критик и искусствовед Владимир Васильевич Стасов писал: «Это самое большое и многосложное сооружение Горностаяева. Стиль совершенно своеобразный, но, по разным подробностям, он всего более приближается к стилю то новгородской, то суздальской полосы нашей».

Карл Энгель – создатель облика центра Хельсинки

Помимо этих, видимых и бросающихся в глаза приезжему, в Хельсинки немало и других примет «русского флера».

Это слово, правда, едва ли подходит к событиям, разыгравшимся в начале века во Дворце правительства, прежнем сенате. В 1904 году финн Шауман застрелил там царского генерал-губернатора Бобрикова, противника финской автономии и убежденного панслависта. Как следствие покушения началась всеобщая забастовка 1905 года, приведшая к восстановлению автономии Финляндии. А в 1906 году был учрежден современный однопалатный парламент и введено избирательное право для женщин.

Если Бобриков всячески стремился придушить проявления национального самосознания финнов, то за сто лет до этого русские власти не очень-то жаловали проявления многовекового господства шведов, что, однако, не обходилось без курьезов.

Все на той же Сенатской площади расположено здание бывшей ратуши и временной резиденции генерал-губернатора. Адъютант, осматривавший помещения перед вселением туда полномочного наместника империи, увидел висящий в одном из залов портрет Карла XII. «Кто это?» – ревниво спросил он. Служащий, показывавший здание адъютанту, не растерялся: «Это Петр I. В молодости». Как известно, Карл XII, мягко говоря, «не вышел ростом». Потом, конечно, портрет шведского короля-карлика быстренько убрали...

Кафедральный Успенский собор, творение русского зодчего Алексея Горностаева

Финские шведы в прошлом веке активно завязывали связи с Россией, служили империи, а обосновывающиеся в Финляндии русские смешивались со шведскими фамилиями и вообще «ошведивались», ибо до середины позапрошлого века шведы все еще доминировали в населении Хельсинки, по крайней мере среди высших чиновников, предпринимателей и администрации.

На протяжении русского периода своей истории Хельсинки был достаточно интернациональным городом. Наряду с русскими здесь бывали и жили прибалты и поляки, прибывавшие вместе с войсками евреи, татары и цыгане. Преобладали, однако, русские. Русские стали переселяться в Хельсинки в первой половине 1800-х годов. Русских чиновников было мало, но военных наряду с собственно финскими войсками было более чем достаточно. На общем фоне города выделялись казармы и прочие гарнизонные сооружения. Парады, находящиеся в городе офицеры и солдаты – и прежде всего искусные верховые казаки – оживляли картину города...

Жители Хельсинки приняли русскую часть населения, но считалось, что она представляет свою отдельную область культуры и живет своей жизнью. У русских были свои школы, свои культурные учреждения, например, театр. Помимо языка, русских объединяла – и в то же время изолировала от финнов – православная вера. Все, связанное с русскими, наиболее заметно представляли в облике города наряду с военными именно православные храмы со священниками и красочными церемониями.

Церковь Св.Троицы – первая православная церковь в Хельсинки

Первая волна русского люда перебралась в Финляндию после сдачи шведами Свеаборга, и вслед за русскими войсками для обслуживания размещившегося там российского гарнизона сюда перебирались купцы. Многие из них преуспели в торговле.

Для занятий своей профессиональной деятельностью в Хельсинки купцы были вынуждены подавать прошения о причислении к бюргерскому, или мещанскому, сословию, так что они становились долговременными и постоянными жителями. Некоторые семьи, как, например, Синебрюховы и Киселевы, мало-помалу сливались с коренным на селением, усваивали

шведский язык, а иногда даже и финский, а некоторые наиболее предприимчивые выбирались даже в городские органы власти.

«Ушаков и Кудряков, Баранов и Табунов, Дулдин! Дул-дин! Ушаков и Яблоков, Королев и Дураков, Шарин! Шарин!» Это – скороговорка, которую придумали школьники Хельсинки в позапрошлом веке. Она целиком состояла из имен русских негоциантов и звучала наподобие колокольного звона, зовущего купцов на богослужение. Да стоит ли удивляться: в 1850-х годах русские купцы составляли 40 процентов негоциантов города.

Монумент в честь посещения Гельсингфорса Николаем I и его женой Александрой Федоровной

Имя одного из этих купцов навсегда оказалось связано с появлением школьного образования в Финляндии на русском языке и до сих пор хорошо известно благодаря основанной при его поддержке так называемой «школе Табунова».

В 60-х годах XIX века русское население в Гельсингфорсе было уже весьма значительным, однако ни одной русской школы в городе все еще не существовало: детей приходилось

отдавать в шведские и финские учебные заведения. В 1861 году была открыта домашняя школа, для которой дьякон Голубков предоставил безвозмездно свою небольшую квартиру в приходском доме. Средства на школу жертвовали прихожане. Купец Никифор Табунов внес тогда 3000 рублей. Учителям было назначено небольшое вознаграждение, а дьякон преподавал Закон Божий бесплатно.

Фигура Александра I на фронте одного из зданий в центре Хельсинки

Эта маленькая школа и натолкнула православный приход города на мысль учредить русскоязычную школу для начального обучения. Протоиерей Николай Васильевич Попов обратился за помощью вновь к Табунову.

В 1864 году Никифор Табунов и его супруга Татьяна составили дарственный акт в пользу русской школы, передав приходу под школу каменное здание, построенное им на пересечении нынешних улиц Маннерхейминтиэ и Калеванкату. А прихожане согласились делать добровольные взносы на школьное дело. 12 ноября 1864 года состоялось открытие первой русской школы в присутствии генерал-губернатора П.И. Рокасовского. В школу тогда записались 49 мальчиков и 24 девочки. Затем в здании школы Табунова помещалась и Александровская гимназия, основанная в Хельсинки в 1870 году по предложению Александра II и ставшая первой в Финляндии русской средней школой. В 1883 году на соседнем участке было возведено собственное здание средней школы, сохранившееся до наших дней, хотя и в надстроенном и частично измененном виде.

В 1913 году, когда по всей Российской империи отмечалась годовщина 300-летия Дома Романовых, русская мужская гимназия получила новое помещение. Архитекторами здания, выполненного в стиле нового барокко, были Л.П. Шишко и М.Г. Чайко. Здание было настолько представительным, что при необходимости могло использоваться в качестве Русского университета. В гимназии была собственная школьная церковь, напоминанием о которой является православный крест, виднеющийся над одним из окон на стене во дворе Зоо-

логического музея. С провозглашением независимости Финляндии здание гимназии было передано Кадетской школе, а в 1923 году – Зоологическому музею университета.

Наследницей «Табуновской школы» сегодня является русская школа, которая была создана в октябре 1955 года. С увеличением числа учеников она перебралась в новый район и стала называться Финско-русской школой. Более двадцати лет школа существовала за счет Общества поддержки, а с 1977 года перешла в ведение государства. В настоящее время ФРШ является государственной школой и обучение в ней бесплатное. Это – единственная школой в стране с углубленным изучением русского языка и преподаванием на русском языке. Сейчас в школе 700 учеников, из которых 25 процентов – русскоязычные дети. Школа имеет подготовительный класс для шестилетних детей, девятилетнюю основную ступень и гимназию.

Главная торговая улица Хельсинки Алексантеринкату названа в честь Александра I

Так что семейство Табуновых оставило о себе самую добрую память...

Имя еще одного купца – Киселева – сохранилось в названии старинного дома на Сенатской площади – он сейчас так и зовется «Киселефф-тало». Но больше других повезло купцу Синебрюхову, чье имя теперь знакомо не только всей Финляндии, но и далеко за ее пределами, хотя и не все знают, что за названием популярнейшего финского пива «Кофф» скрывается окончание этой русской фамилии.

На православном кладбище Хиетаниemi покоятся люди со всем разные – и по своему происхождению, и по достатку

Николай, один из сыновей Петра Синебрюхова, который с котомкой за плечами пришел (да-да, именно пришел) со своим семейством (а было у него девять детей!) в Свеаборг из села Гаврилова под Москвой, решил начать варить пиво для русской армии. И в 1819 году на радость жителей Свеаборга получил на то разрешение: ведь тогда часть зарплаты офицерам

выдавалась натурой. Так был создан старейший из ныне существующих в Северной Европе пивной завод. Слава пива Синебрюхова быстро распространилась за пределы острова-крепости: из Хельсинки приезжали и заказывали пиво, поэтому в скором времени Николай расширил производство и построил пивной завод непосредственно в Хельсинки. По статистике тех времен в городе употребляли 245 тысяч литров алкоголя, из которых 200 тысяч изготавливали у Синебрюхова. Как и многие другие купцы, он вел многообразную коммерческую деятельность, был строительным подрядчиком и владел доходной винокурней. Стоит ли говорить, что Синебрюховы разбогатели и, имея вкус не только к ячменному напитку, но и, как тогда это случалось нередко, к прекрасному, собрали богатую коллекцию живописи. Поэтому сегодня, на улице Булеварди рядом с постройкой из красного кирпича – пивоваренным заводом – расположен и основанный Синебрюховым Музей зарубежного искусства.

Неподалеку от дома Синебрюхова стоит здание, которое занимает регистр малых предприятий. На этом месте до войны было советское посольство. По иронии судьбы оно было уничтожено прямым попаданием при первой же бомбежке Хельсинки во время «зимней войны». Сегодня большинство зарубежных посольств в Хельсинки облюбовали другой квартал – его так и называют «посольским». На одной улице там, например, собрались высшие представительства США, Франции и Англии. Но мало кто знает, что на месте английского посольства некогда стоял особняк Юсуповых.

«Посольский» квартал занимает часть, пожалуй, самого живописного и уютного района Хельсинки – Кайвопуйсто. Некогда болото, трудами одного предприимчивого человека в первой половине позапрошлого века оно было превращено в престижный курорт. Задача была не из легких – даже землю приходилось привозить туда на тележках. Но успех затеи был предопределен, когда часть акций будущей зоны отдыха приобрел Николай I.

Так что не только по памятникам можно искать русские следы в Хельсинки, но и гуляя по паркам города...

Во времена Николая I русские наезжали в Хельсинки, так как по политическим соображениям выезд дворян за пределы империи был затруднен. (Примерно так же, еще недавно ездили в «советскую границу» – Прибалтику.) Для них это была Европа. И даже в начале уже прошлого века Александр Куприн замечал: «Так близко от С.-Петербурга, и вот – настоящий европейский город».

Они-то, эти в основном знатные и богатые русские, и останавливались в виллах и пансионах курорта Кайвопуйсто...

Неподалеку от Синебрюховского музея, на той же улице Булеварди, расположено здание и русского Александровского театра. Русский театр был учрежден по инициативе генерал-губернатора Николая Адлерберга в 1868 году, и он первоначально занимал помещение финноязычного театра «Аркадия». А в 1879 году было возведено и специальное здание Императорского Александринского театра. Строительные чертежи были выполнены в соответствии с должностными обязанностями военным архитектором офицером инженерных войск П.П. Бенардом. Проектирование внутренних помещений театра было начато петербургским архитектором И. Осуховским, а завершено финским архитектором Я. Аренбергом. Художник Северин Фалькман выполнил фресковые росписи потолка театрального зала, взяв за образец роспись Мариинского театра в Петербурге. До весны 1882 года в театре ставились лишь итальянские оперы, следуя увлечениям российских придворных кругов. Первая русская театральная труппа выступила только осенью 1882 года.

Фамильное надгробие Фаберже

Примечательно, что Александринский театр стал трамплином для будущих русских театральных и оперных звезд: например, молодой Федор Шаляпин выступал здесь перед тем как стать мировой величиной. Звучал здесь голос и Леонида Собинова, на сцене театра выступали Анна Павлова и Ольга Преображенская. Первоначально предназначавшаяся для русского офицерства, «Александринка» быстро переросла эти рамки, превратившись в общенациональный театр оперы и балета. После длительного периода (1918—1990 гг.), когда здание занимала Национальная опера Финляндии, театр вновь обрел свое старое название Александринского, или Александровского театра.

Множество мест связано в Хельсинки и с пребыванием русского военного гарнизона, части которого размещались не только в Свеаборге, но и в самом городе.

Из наиболее значительных казарм для русской армии первыми были выстроены в 1820 году на голых скалах мыса Катаянокка спроектированные Энгелем Морские казармы. В 1825 году неподалеку появился и офицерский флигель с колоннами в торцевой части. Русские войска перебрались в 1833 году в новую Туркусскую казарму, а Морские казармы были переданы в пользование только что учрежденному Финляндскому морскому экипажу. На мыс Катаянокка русские вернулись после роспуска Финляндского морского экипажа в 1880 году, когда Морские казармы были переданы для военно-морской базы флота.

Во время революционных волнений начала 1900-х годов размещенные на мысе Катаянокка радикально настроенные матросы Балтийского флота играли видную роль во время Свеаборгского восстания 1906 года и революций в марте и октябре 1917 года.

С этим периодом смуты связано прежде всего, как это ни странно, переоборудованное в 1911 году в казино для морских офицеров Российского Императорского флота старое кирпичное здание склада в Катаянокка. Во время Февральской революции 1917 года восставшие матросы и солдаты казнили в банкетном зале казино русских морских офицеров. В революционные дни на крыше здания развевался черный анархистский флаг.

В качестве жилого здания для семей солдат Балтийского флота на территории гарнизона Катаянokka как раз перед Первой мировой войной было построено шестизэтажное жилое здание, известное как Лутиккалинна («клоповник»). После Октябрьской революции весь состав Балтийского флота остался зимовать в Хельсинки. Проживавшие в здании солдаты и их семьи ушли из Хельсинки на кораблях – после того как сошел лед – в марте 1918 года перед самым вступлением в город частей финских «белых» и немецких частей...

На православную часть кладбища Хиетаниemi на улице Мешленинкату указывает русская часовня

С российским присутствием, с русскими людьми в Хельсинки связано действительно очень многое. И это особенно заметно, если зайти на православную часть кладбища Хиетаниemi. Где что ни надгробие, то удивительная судьба. Из 11 тысяч могил там 80 процентов принадлежит русским.

На кладбище – две церкви. Одна небольшая с голубой луковкой, у самого входа: на ней мемориальная доска в память о русских моряках. Другая, побольше, напомнила мне храм Нового Валаама в Хейнявеси. Оказалось, не случайно. Ее возводил тот же архитектор, Иван Кудрявцев. Так вот в Хельсинки сошлись творения зодчих, строивших Старый и Новый Валаам.

Захоронение Синебрюховых искать не приходится – большой памятник стоит едва ли не у самого входа. Нельзя пройти и мимо могилы Агафона Фаберже – памятник украшен знаменитым пасхальным яйцом. Об истории его побега из Советской России через Финский залив зимой 1927 года можно снимать приключенческие фильмы...

А вот могилу Анны Танеевой-Вырубовой, фрейлины императрицы и одного из самых близких и преданных царской семье людей, найти, если не знать, где она находится, непросто. Ее надгробие мало выделяется среди остальных. Но могила ухожена, всегда, когда я бывал на кладбище, видел на ней цветы...

Рядом с православным кладбищем находится и мусульманское. Среди российских купцов, перебравшихся вслед за русским гарнизоном в Свеаборг, были казанские и нижегородские татары. Они-то и заложили основу исламской общины в Финляндии. Сегодня их осталось всего человек 800, но, говорят, торговля шелком, коврами и мехом до сих пор находится в их руках. Однако потомки этих старых переселенцев все больше растворяются среди совсем иных единоверцев.

Одна из самых приметных могил на кладбище – могила Николая Синебрюхова

Русское население Хельсинки значительно выросло после революции. Правда, для многих эмигрантов Финляндия была лишь промежуточным пунктом – они стремились попасть в Западную Европу, подальше от большевистской России. Среди них оказался и писатель Александр Куприн. Вместе с отступившей в 1919 году армией Юденича он выехал из родной Гатчины, через Таллин прибыл в Хельсинки и прожил здесь с ноября 1919-го по конец июня 1920 года, пока не отплыл пароходом во Францию.

В Хельсинки Куприн трудился в газете «Русская жизнь», затем работал в «Новой русской жизни». В письме Илье Репину Куприн, бывавший в городе одиннадцать раз, пишет: «Раньше я даже был влюблен немножко в Гельсингфорс, но никогда не думал, что мне придется в нем жить поневоле...»

Да, в XIX – самом начале XX века русские ехали в Финляндию на отдых, за красотами природы, покоем и уютом этой «российской Европы». Теперь эта страна стала для них спасением, вынужденным прибежищем. И воспринимали ее русские люди уже по-другому.

Но ценили то, что дала им эта страна, и отзывались о ней с любовью. «Это был самый правильный шаг в жизни моего отца, и за это я ему очень благодарен», – писал в своих мемуарах, вспоминая бегство в Финляндию, сын Агафона Фаберже Олег.

А Куприн, уже в 1933 году, когда отдалился от политической борьбы с большевизмом и почти прекратил публицистические выступления, опубликовал в парижской газете «Возрождение» статью «Суоми», в которой рассказал о своей неослабевающей любви к Финляндии, которая неоднократно давала ему прибежище.

Век Авроры

Признаюсь, только впервые побывав в Хельсинки, я услышал историю Авроры Карамзиной. Да, немногим у нас в стране это имя что-то говорит, хотя про красавицу Аврору сегодня в женских журналах писано немало. Хотя те, кто читает душещипательные истории про несчастную любовь, затем женитьбу на миллионере со свадебным подарком в виде алмаза «Санси», едва ли соотносят все это с реальностью...

В книге невозможно не рассказать об этой удивительной женщине. По происхождению – как и вся финляндская знать – она была шведкой. Значительную часть своей жизни была связана с Россией. Причем не только с Петербургом, но и с Нижним Тагилом. Оба ее мужа были русскими – да еще с какими именами! О ней русские поэты слагали стихи, ее портреты писали русские живописцы! Она была придворной дамой в Петербурге, и была близко знакома с несколькими поколениями российской царской семьи.

Но в Финляндии, где она родилась, провела детство и всю вторую половину часть жизни, ее помнят и ценят не за это – за ее скромную, не очень афишируемую, но очень нужную благотворительную и общественную деятельность. Она – одна из самых известных и почитаемых женщин Финляндии XIX века.

Она прожила долгую – непростую и даже трагическую – жизнь, вобравшую в себя почти весь позапрошлый век, и воплотила в себе целую эпоху, соединив собой и своими делами Россию и Финляндию. И еще – множество людей, о которых пойдет речь в этой книге.

«Ева Аврора Шарлотта Карамзина, урожденная Шернваль (1 августа 1808—13 мая 1902 гг.) была финским филантропом, основала и поддерживала благотворительные учреждения. Она была больше известна как княгиня Аврора Демидова и Аврора Карамзина – под именами и титулом, которые она получила в своих первом и втором браках», – так говорится о ней в одном из финских справочных изданий.

Аврора Карамзина. Портрет работы Владимира Гау

Аврора родилась в городе Пори. Ее отцом был Карл Юхан Шернваль, занимавший высокое положение в администрации Великого Княжества Финляндского, а матерью – баронесса Ева Густава фон Виллебранд (дальняя родственница шведского короля Густава I), которая рано овдовела. У Авроры были старший брат Эмилий (1806—1890 гг.) и двое сестер – Эмилия (1811—1846 гг.), и Александра, или Алина (1812—1850 гг.). При этом ее брат, Эмилий Шернваль-Валлен, закончивший университет в Турку, начавший военную службу в Вильманstrandском пехотном полку в Финляндии и за причастность к декабристскому движению направленный на Кавказ прапорщиком, дослужился до самых высоких чинов у себя на родине и стал весьма заметной политической фигурой в Финляндии. Сестра Алина вышла замуж за Жозе Маурисиу Коррейя Энрикиша, португальского дипломата знатных кровей. А о сестре Эмилии и ее семье речь ниже пойдет еще не раз.

Когда Выборгская губерния в 1812 году была вновь присоединена к Финляндии, Карл Юхан Шернваль был назначен ее первым губернатором. Семья Шернваль переехала в Выборг, но лето Ева проводила у матери в Таммеле, в имении Йокийонен в юго-западной Финляндии. Там двоюродные братья и сестры из родов Виллебранд и Маннергейм завязывали близкие отношения друг с другом.

Карл Юхан Шернваль умер в 1815 году. Его преемник, губернатор, член Комиссии финляндских дел, статский советник Карл Юхан Валлен в следующем году стал супругом Евы

Шернваль и хорошим отчимом для ее детей. Во втором браке родилось еще шестеро детей, из которых до взрослого возраста дожили три мальчика. После свадьбы тетя восьмилетней Авроры на несколько лет взяла девочку в свой дом в Петербург, где ее муж работал в Комиссии финляндских дел. Так Аврора смогла в раннем возрасте познакомиться с великолепной столицей государства и одновременно приобрести необходимые для молодой девушки из аристократического общества знания. Самым важным был французский, который стал для нее вторым родным языком наряду со шведским. Насколько известно, она говорила также на русском и немецком.

В 1820 году Карл Юхан Валлен стал членом Финляндского сената, а через год был назначен прокурором. Семья переехала в Хельсинки, и двенадцатилетняя Аврора Шернваль вернулась на родину. Для дочерей была нанята гувернантка – способный педагог, немка по происхождению, чья сестра была домашней учительницей в семье К.Э. Маннергейма, отца будущего маршала и президента независимой Финляндии. Настоящим домом для семьи Шернваль-Валлен стала усадьба Тресканда в Эспо, которую Валлен приобрел на деньги своей жены. Он вложил много средств в облагораживание и обустройство поместья, прежде всего в планировку и разбивку парка. Это стало его любимым, хотя и дорогим увлечением.

Тогда сестры Шернваль и начали выезжать в свет. А Аврора, говорят, была чудо как хороша – тонкие черты лица, бледная матовая кожа, огромные карие глаза, опущенные длинными ресницами, однако молчалива и нерасторопна. Как-то на одном из гарнизонных балов юная Аврора увидела двух русских офицеров – корнета Александра Муханова, адъютанта генерал-губернатора, и будущего замечательного поэта Евгения Баратынского. Баратынский пленился юной финкой, и эта встреча навсегда была запечатлена в стихах. Позднее их положил на музыку великий Глинка – так родился романс «Не искушай меня без нужды». Девушка же без памяти влюбилась в красавца-корнета.

Мать и сестра Авроры были резко против этого увлечения, но так как адъютант генерал-губернатора неожиданно исчез, то о нем как-то и позабыли, а слухи в обществе о возможной свадьбе падчерицы Валлена утихли.

Среди красивых дочерей Шернваль Аврору считали самой очаровательной и изысканной по своим манерам. У нее было много поклонников как среди молодых дворян на родине, так и среди русских офицеров. Семья пророчила ей блестящее будущее. Родители мечтали выдать ее замуж, но первой обрела семейное счастье ее сестра, Эмилия.

Традиционная жизнь в усадьбе Тресконда с ее походами за ягодами, кофе на природе, зимними катаниями на санях, импровизированными танцами и выступлениями домашнего театра, стала привычной для многочисленного молодого поколения семьи. Вполне обычными для того времени были также контакты с местным приходом и благотворительность, оказываемая семьям безземельных крестьян. Сестра Эмилия, в 1828 году вышедшая замуж за сосланного в Финляндию декабриста графа Владимира Мусина-Пушкина (1798—1854 гг.), сына знаменитого собирателя автографов, открывшего «Слово о полку Игореве», распространила эти традиции вплоть до далеких деревень, расположенных за Ярославлем.

В 1831 году графу разрешили вернуться домой, и в Петербург он приехал вместе с женой и Авророй. Аврора и Эмилия были украшением своей эпохи, эпохи «пушкинских женщин». Их образы остались не только в письмах, записках, воспоминаниях, но и в творчестве Баратынского, Вяземского, Жуковского, Лермонтова, Тютчева, Брюллова, Гау.

В 1832 году Аврору представили императрице Александре Федоровне, жене Николая I. Вскоре ее принимают ко двору фрейлиной, что давало красавице определенный материальный и социальный статус.

Будучи в гостях у Мусиных-Пушкиных, ей представилась возможность познакомиться с салонами Петербурга, где члены высшего света и культурные круги встречались и общались в более свободной, чем при дворе, манере.

В Петербурге случай снова сводит Аврору с Мухановым, которому его соперник Баратынский писал:

...Что скажет другу своему
Любовник пламенный Авроры?
Сияли ль счастьем ему
Ее застенчивые взоры?

Обоюдная симпатия быстро привела к обручению. Невеста не скрывала своего счастья. На 22 августа 1834 года была назначена свадьба, в Тресканде готовили приданое, и весь Хельсинки ожидал прибытия жениха. День свадьбы уже прошел, когда была получена печальная весть. Муханов умер от старой болезни. Рассказывают, что однажды цыганка предсказала Муханову неизбежную смерть за три дня до свадьбы...

Возможно хоть каким-то утешением для невесты, во всяком случае, для честолюбия ее семьи на следующий год стало сообщение о том, что императрица приглашает Аврору Шернваль ко двору. Фрейлины имели в Зимнем дворце собственные апартаменты.

Между императрицей Александрой Федоровной и Авророй Шернваль, по всей видимости, завязались подлинные дружеские отношения. То же можно сказать и о дружбе со старшими детьми императорской пары, наследником престола Александром и великой княгиней Марией, позднее герцогиней Лейхтенбергской.

Аврора и Эмилия были украшением своей эпохи, эпохи «пушкинских женщин», они вращались в самых блестящих кругах Петербурга. Они скорее всего не раз общались и с Пушкиным.

Как известно, их брат Эмилий был хорошо знаком с поэтом. Дружбу с Александром Сергеевичем вел муж Эмилии граф Владимир Мусин-Пушкин: они часто виделись в Петербурге, и художник Г.Г. Гагарин запечатлел Пушкина и чету Мусиных-Пушкиных на одном из рисунков, хранящихся в собрании Государственного Русского музея. Об Эмилии писал Михаил Лермонтов:

Графиня Эмилия
Белее, чем лилия.

Аврора Шернваль-Демидова. Портрет работы Карла Брюллова

А портрет самой Авроры Шернваль в 1838 году создал знаменитый Карл Брюллов – уже в наши дни на аукционе «Сотби» его купила Галина Павловна Вишневская за 120 тысяч фунтов стерлингов, и ныне он находится в зарубежном собрании.

Но, казалось, в личной жизни Авроре не везло. Зато когда ее брак наконец состоялся, о нем говорили все. Ей шел уже двадцать седьмой год, когда в доме своей сестры она познакомилась с князем Павлом Николаевичем Демидовым, одним из самых завидных женихов России, уральским заводчиком-миллионером, промышленником, известным коллекционером, археологом, любителем антиквариата.

Павел Демидов славился в Петербурге страстью к коллекционированию. Его дом на Большой Морской больше напоминал восточный дворец, наполненный несметными сокровищами. Античные вазы, драгоценные полотна итальянских мастеров эпохи Возрождения, инкрустированная мебель красного дерева и столовое серебро, принадлежавшие когда-то Людовику XIV, – все эти редкости он выкупил у герцогини Беррийской, в том числе и знаменитый, седьмой по величине в мире алмаз «Санси». Практичная старушка, тайком продав Демидову уникальный бриллиант за пятьсот тысяч франков, втянула щедрого покупа-

теля в многолетнюю судебную тяжбу с французским двором, считавшим камень достоянием короны.

Не исключено, что к этому союзу ее склонила сама императрица, пожелавшая устроить будущее своей камер-фрейлины. Заключение брака с Демидовым особы, приближенной к императорскому двору, затрагивало и прямые государственные интересы. Аврора должна была стать той нежной цепью, которая удерживала бы одного из богатейших людей России и его сокровища на родине, а не за границей.

Свадьбу сыграли по православному и лютеранскому обрядам. В честь невесты дали фейерверк, палили пушки... Павлу Николаевичу Демидову – тридцать восемь лет, но он уже был человеком пресытившимся жизнью, с ослабленным здоровьем и выглядел неважно – венчался, сидя в коляске.

Свое бракосочетание Павел Демидов отметил щедрыми пожертвованиями хельсинкским воспитательно-просветительским учреждениям. А молодой жене-красавице он преподнес шкатулку с драгоценностями – ожерельем из жемчуга величиной с грецкий орех и тем самым сказочным бриллиантом «Санси».

Госпожа Демидова с прохладцей относилась к дорогим безделушкам, но, вставив «Санси», свадебный подарок мужа, в золотую оправу, уже не расставалась с ним, считая своим талисманом.

Выкупив усадьбу Тресканда у своего отчима, который начал строительство виллы Хакасалми («Вилла Хагасунд»), известной также как «Вилла Валлен» и расположенной на берегу залива Тёёлёхлаhti, Аврора Демидова превратила ее в свой настоящий дом. Демидовский дворец был официальной резиденцией, прекрасным местом проведения празднеств и приемов. Теперь она могла самостоятельно участвовать в той жизни, в которой прежде, несмотря на всеобщее восхищение и поклонение перед ней, была зависима от расположения других, будь то родственники, или монархи. У нее был собственный салон, и она сама могла выбирать как гостей, так и предлагаемую им программу, а также весь остальной антураж. В ее доме всегда был неиссякаемый поток родственников, знакомых. Парк подвергся полной перепланировке. Обширные цветники и теплицы она требовала содержать в порядке, даже когда сама отсутствовала. Находясь в имении, она до самой старости ухаживала за садом, хотя бы просто указывая своим помощникам палкой на оставленные между цветами сорняки. В Хельсинки российская элита и деятели культуры, привлекаемые курортной жизнью в городе, часто гостили у Авроры Демидовой.

Павел Демидов. Портрет неизвестного художника

В октябре 1839 года Аврора родила сына, которого назвали именем отца. Но семейное счастье было недолгим. Через полгода после рождения сына Павел Демидов скончался от болезни легких.

После смерти мужа Аврора Демидова живет то в Хельсинки, то в Петербурге. Шесть лет она не снимает траурного платья. Аврора посвящает себя воспитанию маленького сына и заботам о большом хозяйстве покойного мужа. А это почти миллион десятин земли, уральские рудники, шахты, медные и железные заводы, пятнадцать тысяч крепостных душ...

Надо было вступать во владение делами покойного мужа. Его младший брат – Анатолий, князь Сан-Дonato (отец не пожалел средств, чтобы купить сыну звучный титул), проживал почти все время в Италии, помочь не мог. Так что совладельцем имущества и прибылей был он лишь формально, на бумаге. Вся тяжесть управления и забот упала на хрупкие плечи Авроры Карловны – она приняла довольно смелое для женщины ее круга решение, взяв на себя управление уральскими заводами.

Светская красавица, желанная гостья в литературных салонах двух столиц, едет на Урал и становится прекрасным руководителем. Первой из рода Демидовых она обратила внимание на нужды заводских рабочих: построила богадельню, родильный дом, несколько

школ и детский приют, создала специальный фонд, деньги из которого шли на материальную помощь пострадавшим от несчастных случаев.

Она ложилась спать за полночь, почти все время просиживала в кабинете над бумагами, в обществе многочисленных управляющих и приказчиков. Те сперва с большим сомнением глядели на хрупкую, черноглазую красавицу с необычным именем – Аврора Карловна. Но, как записал со слов старожилов в 1885 году писатель Д. Мамин-Сибиряк, «как никто из владельцев до нее, она умела обращаться с людьми. Она крестила детей, рабочих, бывала посаженной матерью на свадьбах, дарила бедным невестам приданое, по ее инициативе построены богадельня, родильный дом, несколько школ и детский приют, стали выделять пособия при несчастных случаях».

Здание Авроринского приюта сохранилось и сегодня на территории одной из воинских частей Нижнего Тагила. Он был основан в 1849 году и располагался на Выйском заводе. Его цель состояла в том, чтобы матери, уходя на работу, могли оставлять здесь своих детей. Принимали в приют детей от одного года до восьми лет. Им выдавали одежду, было организовано питание, старшие обучались грамоте. Круглые сироты жили тут постоянно, на полном содержании...

Авроре Карловне было около сорока, когда ей руку и сердце предложил полковник, адъютант графа А.Ф. Орлова, Андрей Николаевич Карамзин (1814—1854 гг.), сын знаменитого историографа Государства Российского, и сам человек незаурядный. Всю жизнь он следовал устному завету своего отца, утверждавшего, что «служить Отечеству любезному – быть нежным сыном, супругом, отцом, хранить, приумножать стараниями и трудами наследие родительское есть священный долг моего сердца, есть слава моя и добродетель».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.